62/93.

П. ЮШКЕВИЧЪ.

СТОЛПЫ ФИЛОСОФСКОЙ ОРТОДОКСІИ.

81/10-3443

Similia similibus.

Государственная ордена Ленина Б-ка им. В. И. Ленина
ОТДЕЛ СОХРАНЕНИЯ
Ф17949-40

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1910.

Типо-Лит. „Печатное Искусство“ Невскій 140-2.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Нѣсколько словъ о марксистскомъ китаизмѣ 5

II. Его философская „малость“ — Г. В. Плеханова 11

III. „Прикажутъ — и стану акушеромъ“, или г. В. Ильинъ на стражѣ матеріализма . . 36

Приложеніе 73

I.

Нѣсколько словъ о марксистскомъ китаизмѣ.

Марксизмъ—русскій марксизмъ—боленъ. Не видѣть этого нельзя. Не то страшно, что онъ потерялъ свое былое обаяніе надъ демократіей: при ростѣ политическаго самоопредѣленія общества, совершающемся къ тому же въ обстановкѣ всероссійскаго краха, это паденіе идейной гегемоніи фактъ естественный, неизбѣжный. Ужасно то, что онъ теряетъ ореолъ въ глазахъ своихъ же, что изъ широкаго, освобождающаго мысль, ученія, онъ становится въ рукахъ людей узкой мысли орудіемъ идейнаго закрѣпощенія; ужасно то, что въ немъ свилъ себѣ прочное гнѣздо мандаринатъ, что въ немъ изсякъ источникъ теоретическаго творчества, что борьба мнѣній въ немъ приняла характеръ идейныхъ побоищъ. Расколы и разногласія внутри политическихъ партій дѣло самое заурядное; но представляемая русскимъ марксизмомъ картина неурядицы и вѣчной склоки далеко выходитъ изъ рамокъ и изъ формъ обыкновенныхъ политическихъ раздоровъ. Партійная нетерпимость, соединяясь съ теоретической исключительностью, даетъ совсѣмъ невыносимую комбинацію.

Точно одержимые духомъ взаимоистребленія, точно наглухо запертые въ тѣсномъ и душномъ помѣщеніи, мы готовы перегрызть горло другъ другу изъ за всего: изъ за параграфа организаціоннаго устава, изъ за пункта аграрной программы, изъ за философскаго разногласія, изъ за различія въ оцѣнкѣ какой-нибудь политической группы, изъ за такого преступленія, какъ питье чая съ филистимлянами—кадетами. Около всякой спорной мелочи, какъ въ пересыщенномъ растворѣ, немедленно начинается быстрый процессъ кристаллизаціи. Большевики—меньшевики, партійцы—рабочесъѣздовцы, бойкотисты—антибойкотисты, матеріалисты—махисты, а затѣмъ отзовисты, ультиматисты, ликвидаторы, инцидентъ—потресовцы и т. д. безъ конца. Не успѣетъ нарывъ вскрыться въ одномъ мѣстѣ, какъ внутренняя болячка выгоняетъ его въ другомъ. Только было погасъ экономизмъ, какъ вспыхнуло пламя бланкизма, избавились отъ бойкотизма—всплылъ отзовизмъ, и такъ нескончаемой чередой встаетъ въ разныхъ концахъ духовнаго горизонта дразнящее марево внутрипартійныхъ усобицъ. А въ итогѣ безконечное топтаніе на мѣстѣ, почти полная прострація и напитанная враждой и ненавистью атмосфера.

Я не берусь выяснять здѣсь объективныхъ, историческихъ причинъ этого оскудѣнія. Можетъ быть, намъ, современникамъ, даже невозможно разобраться въ этомъ сложномъ и близкомъ намъ явленіи. Я хочу только въ немногихъ словахъ остановиться на одномъ субъективномъ, и потому болѣе доступномъ нашему воздѣйствію, факторѣ. Я имѣю въ виду то, что можно назвать марксистскимъ китаизмомъ, сложную и странную смѣсь изъ догматизма, идейной замкнутости, кичливости, недооцѣниванія силъ противника.

Въ этомъ отношеніи характеренъ уже самъ излюбленный стиль, вѣрнѣе, тонъ нашихъ марксистскихъ выступленій. Какъ извѣстно, ему полагается быть побѣднымъ, увѣреннымъ и рѣшительнымъ. Марксистъ всегда бодръ и молодцеватъ, онъ всегда веселъ и имѣетъ видъ, что шутя расправляется съ своимъ противникомъ. Испанская пословица говоритъ, что мужчина долженъ быть свирѣпъ. „Марксистъ долженъ быть свирѣпъ“—таковъ и ортодоксальный идеалъ литератора, оратора, политика: онъ насмѣхается, онъ дробитъ, крушитъ, истираетъ въ порошокъ, диктуетъ условія мира. Колебаній и сомнѣній это „свирѣпое“ существо не знаетъ: оно обо всемъ судитъ безапелляціонно, категорично, аподиктично. Кто не съ нимъ въ данномъ вопросѣ или въ данный моментъ—тотъ неучъ, невѣжда, да и вообще ничтожество. Уважающій себя марксистъ этого ортодоксально-свирѣпаго типа не обсуждаетъ, а судитъ, не говоритъ, а изрекаетъ. Поблажекъ и слабостей онъ не знаетъ. Даже привязанный къ столбу пытокъ, онъ, какъ плѣнный ирокезецъ, глумится надъ своимъ врагомъ и поноситъ его. Этого требуетъ обычай. И въ самомъ дѣлѣ, что подумаютъ различные подъ - плехановы, если въ тонѣ самого Плеханова послышится нотка уступчивости? Какое смятеніе въ рядахъ подъ - лениныхъ, если Ленинъ вдругъ перестанетъ гремѣть и метать перуны! Не трудно себѣ представить, что Плехановъ и Ленинъ далеко не всегда чувствуютъ себя въ

настроеніи олимпійцевъ, что болѣе скромный тонъ гораздо лучше подошелъ бы къ ихъ самочувствію но привычка, но положеніе обязываетъ: отъ нихъ ждутъ сокрушительныхъ ударовъ, и потому—

Ridi pagliaccio...

Вотъ, напримѣръ, вчера лишь взятый отъ аграрной и политической сохи философъ—г. Ильинъ Чрезъ дыры его философскаго плаща свозитъ голое, ничѣмъ не прикрытое, тѣло,—что́ онъ прекрасно знаетъ, равно какъ и то, что всю эту взятую на прокатъ цитатную ученость надо будетъ по окончаніи философскаго представленія вернуть по принадлежности—но это не смущаетъ нашего свирѣпаго марксиста. Онъ знаетъ своихъ „паппенгеймовцевъ", знаетъ, чего они ждутъ отъ него—и, повѣрьте, голосъ его не дрогнетъ и онъ не покраснѣетъ, когда обзоветъ невѣждами Базаровыхъ, Бермановъ, Валентиновыхъ, Юшкевичей!

А что сказать о скверномъ имитаторѣ Плеханова—Рахметовѣ? А самъ Плехановъ, не перестающій скорбѣть о томъ, какъ велико философское невѣжество среди марксистовъ, и набожно благодарящій Создателя, что онъ не похожъ на всѣхъ этихъ грѣшниковъ и мытарей?..

„Свирѣпость" марксизма имѣетъ за себя извѣстныя историческія оправданія. Изъ марксизма—этого боевого міровоззрѣнія—нельзя вытравить полемизма, и не въ полемикѣ самой по себѣ бѣда. Горе все въ томъ, что изъ полемизма уходитъ духъ живой, что онъ вырождается, что и его заѣдаетъ буква, шаблонъ, полемическій обрядъ. Есть плохіе пѣвцы, детонирующіе, когда имъ приходится брать очень высокія ноты. Марксисты, механизирующіе полемическіе пріемы, гипертонируютъ: они всегда держатся на высочайшихъ верхахъ своего полемическаго діапазона. Если они хотятъ сказать своему противнику, что они съ нимъ несогласны, то называютъ его невѣждой; если же они имѣютъ въ виду, что онъ неправъ, то кричатъ о его шарлатанствѣ. Этотъ ставшій самоцѣлью полемизмъ неизбѣжно порождаетъ въ марксистской литературѣ настоящіе нравы растеряевой улицы...

Или же обратите вниманіе на распространенный среди марксистовъ предразсудокъ, на своеобразную фикцію, въ силу которой „теоретиковъ" надѣляютъ почти божескими аттрибутами всевѣдѣнія и непогрѣшимости. Теоретикъ,—онъ у насъ идетъ „за все": онъ и отличный соціологъ, и превосходный знатокъ аграрнаго вопроса, и прекрасный политикъ, философъ, критикъ. Къ Каутскому обращаются за разрѣшеніемъ философскихъ вопросовъ, отъ Плеханова ждутъ отвѣта на литературно-критическія сомнѣнія, а г. Ильинъ и безъ всякихъ приглашеній, самъ, садится на философскій тронъ. Настроеніе почтительной вѣры и ожиданія на низахъ создаетъ, разумѣется, папское самочувствіе на верхахъ. Папы—а въ случаѣ раскола и анти-папы—поступаютъ такъ, какъ и слѣдуетъ ожидать въ ихъ положеніи: они проклинаютъ, отлучаютъ, составляютъ index idearum prohibitarum. Нельзя быть „махистомъ", нельзя увлекаться декадентами, нельзя того, нельзя другого, нельзя, нельзя, нельзя...

„Нельзя быть махистомъ". За послѣднее время вопросъ именно о „махизмѣ" (а также и о такъ

называемыхъ „религіозныхъ исканіяхъ“) далъ возможность нашимъ ортодоксамъ вполнѣ раскрыть истинно-китайскую сущность ихъ марксизма. Я это и постараюсь показать въ дальнѣйшемъ на примѣрѣ двухъ такихъ столповъ ортодоксіи, какъ Г. В. Плехановъ и г. В. Ильинъ.

II.

Его философская „малость“—Г. В. Плехановъ.

„Если Спиноза еще въ XVII столѣтіи говорилъ, что въ свободномъ государствѣ каждому должно быть предоставлено думать то, что́ онъ хочетъ, и говорить то, что́ онъ думаетъ, то возможно-ли, чтобъ это право могло быть подвергнуто сомнѣнію въ концѣ XIX, въ средѣ соціалистической партіи хотя бы самаго отсталаго государства Европы? Признавая право свободной рѣчи въ принципѣ, занося требованіе его въ свои программы, русскіе соціалисты не могутъ предоставить пользованіе этимъ правомъ лишь той фракціи или той „партіи“, которая претендуетъ на гегемонію въ данный періодъ революціоннаго движенія“.

Жестоко ошибся-бы читатель, если-бы онъ приписалъ эту краснорѣчивую тираду перу какого-нибудь марксиста-махиста, оправдывающаго свои посягательства на традиціонную философію марксизма—діалектическій матеріализмъ. Эти строки написаны давно, очень давно — лѣтъ двадцать пять тому назадъ—написаны однимъ молодымъ и тогда довольно одиноко стоявшимъ теоретикомъ соціализма, нашедшимъ нужнымъ горячо и обстоятельно защитить свое право на критику оффиціальной

программы партіи. Молодой „ревизіонистъ“ — тогда, впрочемъ, этого термина еще не существовало—очень энергично и убѣдительно защищалъ людей, „не успокоившихся на догматическомъ вѣрованіи въ заученныя формулы“. Если партійный органъ, указывалъ онъ, признаетъ только такія расхожденія, которыя не выходятъ изъ предѣловъ программы его, то онъ терпимъ „лишь по отношенію къ членамъ своей собственной церкви“, признаетъ „съ героями Щедрина, что оппозиція не вредна лишь въ томъ случаѣ, если она не вредитъ“. Не безъ колкости замѣчалъ онъ, что критика тактики арміи можетъ повредить лишь „военной репутаціи генераловъ“, но совсѣмъ не военнымъ операціямъ, которыя, наоборотъ, только выигрываютъ отъ такой критики, и т. д. и т. д

Я не буду приводить дальнѣйшихъ выписокъ изъ этой старой—старой, но звучащей мѣстами для насъ, марксистовъ, такъ современно, работы. Любопытнѣе всего здѣсь то, что авторомъ этой горячей апологіи „права свободной рѣчи“ для соціалиста среди соціалистовъ является Г. В. Плехановъ, а сама апологія помѣщена въ крупнѣйшей его работѣ— „Нашихъ Разногласіяхъ“, въ предпосланномъ книгѣ открытомъ письмѣ къ П. Л. Лаврову.

Такъ было двадцать пять лѣтъ тому назадъ. За эту истекшую четверть вѣка Г. Плехановъ изъ молодого и одиноко стоящаго соціалиста успѣлъ стать не молодымъ, но зато и не одинокимъ, вождемъ сильнѣйшей русской соціалистической партіи. Къ сожалѣнію, эта эволюція сопровождалась и параллельной метаморфозой въ отношеніи Плеханова къ свободѣ критики, метаморфозой, настолько зна-

чительной, что, разсматривая приведенные мной отрывки, можно скорѣе подумать, будто они написаны не Плехановымъ, а противъ Плеханова. „Догматическая вѣра въ заученныя формулы“— развѣ не это самое обвиненіе мы, „критики“, бросаемъ въ лицо ортодоксу Плеханову? „Терпимость въ предѣлахъ своей программы, терпимость по отношенію къ членамъ лишь своей церкви“—да вѣдь то же самое, даже почти не мѣняя терминологіи, мы говоримъ о Плехановѣ. Какъ странно обернулось дѣло! Öte—toi de là, que je m'y mette: выходитъ, будто Плехановъ для того только громилъ Лаврова и Тихомирова, чтобъ ихъ нетерпимость замѣнить своей собственной нетерпимостью, ихъ догматизмъ — своимъ догматизмомъ и консерватизмомъ. Можетъ быть, въ этомъ сказывается „консерватизмъ“ біологическій, неизбѣжная дань возрасту, въ которомъ Stabilitätsbedürfniss, о которой пишетъ Петцольдтъ, потребность въ духовной устойчивости и равновѣсіи беретъ верхъ надъ всѣми другими умственными потребностями. Но, можетъ быть, здѣсь дѣйствуетъ и другая причина,— консерватизмъ, такъ сказать, „соціологическій“, консерватизмъ положенія. Есть анекдотъ о нѣкоемъ переводчикѣ, передавшемъ французское выраженіе bien—être général (всеобщее благополучіе) по русски фразой: „хорошо быть генераломъ“. Не одни только плохіе переводчики смѣшиваютъ вопросъ о всеобщемъ благополучіи съ вопросомъ о генеральскомъ самочувствіи. Этой странной аберраціи мысли подвержены и многіе генералы,—какъ настоящіе, заправскіе, такъ и литературные и партійные генералы...

Нетерпимость и догматизмъ теперешняго Плеханова особенно рѣзко сказались за послѣднее время въ вопросѣ, въ которомъ и по самому существу дѣла и по личной роли въ немъ Плеханова для его нетерпимости должно было бы быть всего меньше мѣста. Я говорю о проблемахъ философіи и возникшихъ въ связи съ ними разногласіяхъ въ современномъ марксизмѣ. Если гдѣ и требуется та свобода слова, та свобода критики, о которой такъ краснорѣчиво писалъ когда-то Плехановъ, то именно въ области критической по преимуществу, въ области философіи,—и это тѣмъ болѣе, что философскія проблемы имѣютъ лишь слабую и отдаленную связь съ требующими единомыслія задачами практической политики. Въ частности долженъ былъ бы въ этомъ вопросѣ быть терпимѣе г. Плехановъ, являющійся философомъ, если можно такъ выразиться, honoris causa, скорѣе за свои работы въ дѣлѣ распространенія идей марксизма, чѣмъ за свои реальныя философскія заслуги. Но бѣда то въ томъ, что Плехановъ, не довольствуясь однимъ общественно-политическимъ поприщемъ, очень серьезно относится къ своей роли первенствующаго философа марксизма. Въ этомъ мнѣніи его, вѣроятно, убѣждалъ и тотъ фактъ, что почти всѣ русскіе марксисты, писавшіе по философіи, такъ или иначе касались философской позиціи Плеханова. Въ своей второй статьѣ о религіозныхъ исканіяхъ въ Россіи Плехановъ не безъ кокетства указываетъ на этотъ фактъ. Онъ разсказываетъ, между прочимъ, какъ „въ послѣднее время многіе русскіе писатели, отвергавшіе тѣ или другія положенія марксизма,

считали нужнымъ направить оружіе своей „критики“ также и противъ „моей малости“ (meine Wenigkeit, какъ говорятъ нѣмцы) („Соврем. Міръ“ Окт. 1909 г., с. 169).

„Моя малость“! Плехановъ, разумѣется, кокетничаетъ. Въ исторіи русской общественной мысли отецъ русскаго марксизма представляетъ очень и очень видную фигуру. Правда для роли *вождя и идеолога* такого крупнаго движенія Плехановъ нѣсколько жидокъ, узокъ. Въ мышленіи Плеханова нѣтъ оригинальной творческой силы. Онъ разрушилъ много предразсудковъ русской интеллигенціи, но онъ не далъ ничего своего. Плехановъ всю жизнь пилъ изъ огромной чаши Маркса, былъ намѣстникомъ его въ Россіи. Даже въ чисто литературномъ отношеніи сказывается узость плехановскаго дарованія. Онъ сильный полемистъ, онъ умѣетъ уязвить, умѣетъ выставить въ смѣшномъ видѣ противника—но внѣ этого онъ тусклъ и незначителенъ. Онъ превосходно играетъ на одной струнѣ, но только на одной; когда же почему либо оборвется и эта струна, когда Плехановъ оставляетъ свое emploi полемиста, то онъ зачастую безнадежно скученъ и сѣръ.

Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ и ограниченностяхъ Плехановъ, конечно, очень и очень видная фигура на фонѣ русской общественности. Онъ былъ могучимъ и неутомимымъ сѣятелемъ идей марксизма, — и въ этомъ отношеніи заслуга его колоссальна. Къ сожалѣнію, Плехановъ, повидимому, самымъ серьезнымъ образомъ считаетъ себя первымъ философомъ марксизма — и въ этомъ большая бѣда. Исторія литературы и науки знаетъ

не мало примѣровъ такого самоослѣпленія. Гёте считалъ предложенную имъ теорію цвѣтовъ безконечно болѣе цѣнной всѣхъ его поэтическихъ произведеній. Толстой за лучшія свои произведенія признаетъ, кажется, сказки и „Кругъ чтенія". Такъ и Плехановъ особенно ревниво относится къ своей репутаціи философа—блюстителя діалектическаго матеріализма. А между тѣмъ именно здѣсь и развертывается во всей своей величинѣ его „малость". Разсуждать о философѣ Плехановѣ почти смѣшно, несмотря на всѣ его цитаты изъ Гегеля, Фейербаха, Гольбаха, и пр. Сорвите съ его философскихъ статей полемическія и иныя литературныя блестки—какими сразу онѣ станутъ убогими! Когда Плехановъ попытался объективно, безъ всякаго литературнаго парада и наряда, изложить свои философскіе взгляды въ примѣчаніи къ энгельсовскому „Фейербаху", то получилось нѣчто поразительно скудное, куцое и противорѣчивое.

Однако, вѣдь, Плехановъ правъ, говоря, что многіе, писавшіе по вопросамъ философіи, русскіе марксисты считали своей обязанностью удѣлить ему вниманія?—Правъ, но это доказываетъ лишь силу предразсудковъ, а не силу Плеханова, какъ фисософа. Философскій матеріализмъ, какъ необходимый ингредіентъ марксизма, и Плехановъ, какъ персонификаціи этого матеріализма, были однимъ изъ многочисленныхъ среди русскихъ марксистовъ предразсудковъ. Иногда, чѣмъ болѣе вздора и нелѣпости въ какомъ нибудь предвзятомъ взглядѣ, тѣмъ труднѣе искоренить его. Чѣмъ меньше была философская величина Плеханова

чѣмъ поверхностнѣе и элементарнѣе его доктрина, тѣмъ скорѣе она пришлась по плечу массѣ, тѣмъ прочнѣе засѣла она. Съ другой стороны піэтетъ къ отцу русскаго марксизма,—вотъ что заставило потратить такъ много усилій на „малость" Плеханова. Этотъ сыновній піэтетъ побуждалъ вначалѣ и насъ, „критиковъ", „ревизіонистовъ", относиться бережно къ слабости Плеханова: мы помнили библейскую исторію о развеселившемся Ноѣ и, не глядя на „стыдъ" его, старались прикрыть его. Но нашъ Ной не понялъ этого; браня насъ, онъ продолжалъ срывать наброшенный на него покровъ. Что-жъ? На комъ вина? Пусть онъ винитъ себя, если и мы перестали щадить философскую наготу его...

Не знаю, такъ-ли въ самомъ дѣлѣ лестно было для Плеханова усердное вниманіе къ его философскимъ взглядамъ марксистовъ младшаго поколѣнія, какъ онъ это изображаетъ дальше въ цитированной мной статьѣ. Во всякомъ случаѣ онъ долго и упорно молчалъ. Можетъ быть, это былъ классическій бюрократическій пріемъ отмалчиваться отъ непріятности, брать ее изморомъ: полаютъ, молъ, махисты, полаютъ, и отстанутъ. А, можетъ быть, Плехановъ и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ наивность думать, что все обстоитъ благополучно и что махизмомъ увлеклись только нѣсколько непутевыхъ головъ, не стоющихъ особеннаго вниманія. На высотѣ извѣстныхъ положеній бываютъ такія иллюзіи. Когда Августъ пилъ, вся Польша была пьяна. Наслаждаясь виномъ діалектическаго матеріализма, Плехановъ, очевидно, и не догады-

вался, что другіе видѣли въ немъ самую обыкновенную, самую безвкусную, воду.

Какъ бы то ни было, Плехановъ молчалъ и только по временамъ пускалъ то или иное колкое замѣчаніе по поводу „моднаго“ увлеченія Дицгеномъ, Махомъ, Кантомъ, сопровождая его намеками на неблагонадежность такихъ увлеченій, или же довольствовался презрительными кивками по адресу „какихъ-то“ Юшкевичей, Валентиновыхъ и пр. Правда, кивки эти стали до того часты, что трудно было уже вѣрить въ натуральный, ненапускной характеръ этого равнодушія, но Плехановъ твердо держался своей линіи, не снисходилъ до отвѣта на нападки критиковъ, пока это олимпійское спокойствіе не было потревожено произведшимъ впечатлѣніе выстрѣла въ упоръ открытымъ письмомъ А. Богданова. Отмалчиваться тутъ ужъ не приходилось; вызовъ былъ сдѣланъ всенародно — и нашему первенствующему философу пришлось заговорить. Онъ и отвѣтилъ - не сразу, но отвѣтилъ—въ фельетонахъ „Голоса“.

Въ первомъ фельетонѣ было много разговору о самомъ себѣ, о томъ, сколько на своемъ вѣку Плехановъ „пересѣкъ кошекъ“, какъ его затормошили со всѣхъ концовъ 35.000 — не курьеровъ, а марксистовъ, требовавшихъ отъ него отклика и на махизмъ, и на религіозныя исканія, и на порнографію Арцыбашева, и Богъ его знаетъ еще на что. Былъ тамъ и весь арсеналъ плехановской полемики: и „блаженный Анатолій“ (по адресу Луначарскаго), и Богдановъ, который „тредъячитъ“ въ своемъ эмпиріомонизмѣ,— были и неизбѣжныя цитаты изъ Маркса и Энгельса,—словомъ, было все,

кромѣ дѣла. Фельетонъ былъ написанъ спокойно, не спѣша, съ разстановкой. Такъ, не спѣша, съ разными диверсіями, вставками, воспоминаніями, повѣтствуютъ нѣсколько болтливые, но увѣренные въ себѣ и своихъ слушателяхъ, преклонныхъ лѣтъ разсказчики. Приверженцы Плеханова, страстно ждавшіе разрѣшенія своихъ сомнѣній, были разочарованы, но снова вооружились терпѣніемъ и даже стали надѣяться: разъ приступъ къ дѣлу былъ такъ основателенъ, то ужъ само дѣло будетъ порѣшено архи-основательно; махизмъ будетъ разъ навсегда сраженъ. Но увы! Надеждамъ этимъ не суждено было оправдаться. Гора родила мышь. Плеханова хватило еще на одинъ огромный фельетонъ, гдѣ онъ въ одно и то же время защищается отъ нападокъ Богданова, возстановляетъ точный смыслъ своихъ прежнихъ утвержденій, излагаетъ сызнова, что́ онъ понимаетъ подъ матеріализмомъ, и расправляется на нѣсколькихъ столбцахъ съ „воскреснымъ философомъ“ Махомъ. Объ этомъ, побивающемъ рекордъ лаконизма, опроверженіи Маха и о самозащитѣ Плеханова я совсѣмъ не буду говорить. Остановлюсь лучше на той характеристикѣ матеріализма, которую здѣсь даетъ Плехановъ. Вотъ нѣсколько отрывковъ („Materialismus militams“, письмо II).

„Я вовсе не опредѣляю матеріи „черезъ“ вещи въ себѣ. Я только утверждаю, что всѣ вещи въ себѣ матерьяльны. А подъ матерьяльностью вещей я понимаю—и тутъ Вы (т. е. А. Богдановъ) говорите правду—ихъ способность такъ или иначе,

непосредственно или посредственно, дѣйствовать на наши чувства и тѣмъ вызывать въ насъ тѣ или другія ощущенія" (с. 3) „Матерьяльными предметами (тѣлами) мы (т. е. матеріалисты) называемъ такіе предметы, которые существуютъ независимо отъ нашего сознанія и, дѣйствуя на наши чувства, вызываютъ въ насъ извѣстныя ощущенія, въ свою очередь, ложащіяся въ основу нашихъ представленій о внѣшнемъ мірѣ, т. е. о тѣхъ же матерьяльныхъ предметахъ, а равно и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ" (с. 5).

Богдановъ, отожествляя у Плеханова матерію съ не-опытомъ, неправъ. Наоборотъ, матерія есть опытъ, „точнѣе сказать: одно изъ двухъ необходимыхъ условій опыта" (с. 6), ибо „опытъ предполагаетъ взаимодѣйствіе между субъектомъ и — находящимся внѣ его — объектомъ" (ib.)

„Тѣ, которые утверждаютъ, что безъ субъекта нѣтъ объекта, просто на просто смѣшиваютъ одно съ другимъ два совершенно различныхъ понятія: существованіе объекта „въ себѣ" и его существованіе въ представленіи субъекта" (с. 7).

Опредѣленіе: „матерія есть то, что служитъ источникомъ нашихъ ощущеній" не тавтологично и не лишено всякаго содержанія, какъ это думаетъ Богдановъ. „Никакого другого знанія предмета, кромѣ знанія его черезъ посредство тѣхъ впечатлѣній, какія онъ на насъ производитъ, и быть не можетъ. Поэтому, если я признаю, что матерія намъ извѣстна только черезъ посредство ощущеній, ею въ насъ вызываемыхъ, то это вовсе не значитъ, что я объявляю матерію чѣмъ то „неизвѣстнымъ" и непознаваемымъ" (8) Матерія познаваема и познается мало по малу человѣчествомъ. Но, если отвлечься отъ этихъ впечатлѣній, то ясно, что ничего нельзя сказать о предметѣ, кромѣ того, что онъ существуетъ. „Поэтому, тотъ, кто требуетъ отъ насъ, чтобъ ему опредѣлили предметъ, отвлекшись отъ этихъ впечатлѣній, выставляетъ нелѣпое требованіе" (8). Нелѣпъ вопросъ Богданова, „какова матерія тогда, когда она не вызываетъ въ насъ никакихъ ощущеній, т. е., чтобъ я сказалъ Вамъ, какой цвѣтъ имѣетъ роза, когда на нее никто не смотритъ, какой она имѣетъ запахъ, когда ее никто не нюхаетъ и т. д. (с. 9).

Но если мы перестаемъ смотрѣть или нюхать розу, то она не теряетъ отъ этого способности вызвать въ насъ ощущенія запаха или цвѣта, если мы снова обратимъ на нее вниманіе. „Эта способность и есть ея свойство, какъ вещи въ себѣ, т. е. свойство независимое отъ субъекта" (с. 14).

Я передалъ здѣсь наиболѣе важныя мѣста фельетона по возможности подлинными словами Плеханова. И единственный напрашивающійся здѣсь выводъ, это—что Плехановъ, подобно одному изъ щедринскихъ градоначальниковъ, не столько сражается съ махизмомъ, сколько сражаемъ имъ. Если авторъ примѣчанія къ Фейербаху не „разъяснитъ" (въ сенатскомъ смыслѣ) еще разъ своего фельетона, если данная въ немъ версія Пле-

хановскаго матеріализма окончательная, то мы имѣемъ здѣсь полную капитуляцію передъ махизмомъ, и даже передъ неразвитымъ еще махизмомъ— миллизмомъ. Что въ самомъ дѣлѣ мы узнали по основному вопросу о „вещи въ себѣ“ и матеріи? Вотъ существенные тезисы теоріи Плеханова:

1) Есть независимая отъ человѣка реальность; 2) эта реальность (вещь въ себѣ, матерія) познаваема; 3) познается она нами черезъ ощущенія; 4) если отвлечься отъ этихъ ощущеній, то о матеріи (вещи въ себѣ) можно сказать лишь, что она существуетъ; 5) это ея независимое отъ субъекта существованіе сводится къ способности при извѣстныхъ обстоятельствахъ (въ сопряженіи съ нашими органами чувствъ) вызывать ощущенія.

Чѣмъ же отличается эта характеристика матеріи отъ знаменитаго миллевскаго сенсуалистическаго опредѣленія матеріи, какъ „постоянной возможности ощущеній“? Только словомъ: Милль говоритъ о „возможности“ ощущеній, Плехановъ же о „способности вызывать“ ощущенія. Это bonnet blanc и blanc bonnet. Въ остальномъ мы не замѣчаемъ никакого разногласія. И Милль признаетъ независимый отъ субъекта внѣшній міръ, и Милль принимаетъ принципіальную познаваемость всего сущаго и познаваемость именно только черезъ ощущенія. Почему же миллевское опредѣленіе матеріи всегда признавалось сенсуалистическимъ и рѣзко анти-матеріалистическимъ, а вновь открытое Плехановымъ оно должно стать символомъ вѣры самаго ортодоксальнаго, самаго твердокаменнаго матеріализма?

Что происходитъ съ розой, когда мы на нее не

смотримъ? Вотъ вопросъ, по поводу котораго испоконъ вѣка препираются между собой философы. Для Канта существуетъ ноуменальная роза, роза, какъ непознаваемая „вещь въ себѣ“, которая, воздѣйствуя непонятнымъ образомъ на ноуменальное „я“, вызываетъ въ насъ ощущенія цвѣта, формы и пр. Для Беркли роза въ это время существуетъ, какъ мысль Божества. Для панпсихиста—она существуетъ какъ психическая сущность розы. Для естественно-научнаго матеріалиста она пребываетъ, какъ нѣкоторая комбинація атомовъ (или электроновъ, или чего нибудь аналогичнаго). Для Милля она существуетъ, какъ постоянная возможность ощущенія. Для Маха, углубляющаго и объективирующаго сенсуализмъ Милля, она продолжаетъ существовать въ томъ же видѣ, какъ и тогда, когда мы на нее смотримъ. Для Плеханова, считающаго нелѣпостью ощущенія „въ себѣ“, цвѣтъ, запахъ, и т. д. въ себѣ (см. ib., с. 12), она существуетъ, какъ способность вызвать въ надлежащій моментъ въ насъ ощущенія. Съ какимъ же изъ этихъ отвѣтовъ сближается теперешнее плехановское рѣшеніе? Ясно, что съ элементарно-махистскимъ—миллевскимъ, и ясно, что оба они отличаются по существу отъ матеріи такихъ матеріалистовъ, какъ Гоббсъ, Демокритъ и пр., которая не есть лишь одна голая потенціальность („возможность“, „способность“), но и извѣстная реальность,—которая протяженна, непроницаема, тверда (или эластична), прерывна (или непрерывна), и т. д., и т. д.

Нѣтъ, не везетъ г. Плеханову съ его опредѣленіями матеріализма, не дается ему матеріализмъ,

какъ заколдованный кладъ: только было онъ его выкопалъ изъ земли, только онъ собрался взглянуть на свое сокровище, какъ кладъ превращается—выражаясь словами Гоголя—въ такой „соръ и дрязгъ“, на который и смотрѣть совѣстно: кантіанство, махизмъ, миллизмъ. Очевидно, одно дѣло обозвать Богданова Тредьяковскимъ, разсказать забавный анекдотъ, процитировать Маркса,— а другое дѣло разбираться въ философскихъ вопросахъ. И для этого послѣдняго дѣла Плеханова рѣшительно не хватаетъ. Онъ не на своемъ мѣстѣ въ области философіи. Онъ здѣсь безпомощно блуждаетъ, точно въ потемкахъ, принимая гнилушку свою quasi-матеріализма за яркій свѣточъ подлинной философіи. Облюбовавши почему то кантовскую Ding an Sich — всѣ его статьи вертятся почти исключительно вокругъ этой проблемы—онъ за цѣлыхъ десять или даже пятнадцать лѣтъ не сумѣлъ составить себѣ о ней опредѣленнаго и яснаго мнѣнія. Въ каждой статьѣ, каждой книгѣ, мы имѣемъ новое рѣшеніе ея, и даже нѣсколько рѣшеній въ одной и той же статьѣ. Плеханова, какъ діалектика, эти противорѣчія, разумѣется, не пугаютъ, но намъ, со стороны, почему то кажется, что было бы гораздо лучше, если бы Плехановъ оставилъ, наконецъ, всѣ эти безконечныя разсужденія о вещи самой по себѣ, отъ которыхъ становится только самому не по себѣ...

Вообще романъ Плеханова съ философіей—при всѣхъ его комическихъ и курьезныхъ сторонахъ— исторія скорѣе драматическаго характера. По одному изъ непонятныхъ капризовъ человѣческой психики Плеханова непреодолимо влечетъ къ философіи. Страсть эта неосуществимая, безнадежная, ибо философію то нисколько не влечетъ къ Плеханову. И не можетъ влечь къ нему, потому что по самому складу своей мысли Плехановъ не только не философская, но анти-философская натура. Плехановъ не просто марксистъ. Онъ, какъ сказалъ бы Петръ Верховенскій, „заѣденъ“ марксизмомъ. Всѣ поры его духовнаго существа выполнены марксисткими идеями, и для другихъ идей тамъ нѣтъ мѣста. Это не значитъ, конечно, что Плехановъ всегда непремѣнно правильно толкуетъ и примѣняетъ теоріи Маркса. Я имѣю въ виду лишь фактъ порабощенности, несвободы мысли Плеханова, закрывающій для него навсегда входъ въ обитель философіи. Не Плехановъ владѣетъ своимъ марксизмомъ, а марксизмъ владѣетъ имъ. Въ Плеханова, выражаясь старинной терминологіей, „вселился“ марксизмъ, онъ „одержимъ“ имъ. Понятно, что такой одержимый, заѣденный извѣстной группой мыслей, умъ не представляетъ благодарной почвы для воспріятія идей другого порядка. То спасительное сомнѣніе, которое лежитъ въ основѣ всякаго философствованія, недоступно Плеханову. Когда лѣтъ тридцать назадъ въ него была вдунута марксистская душа и Плехановъ, такъ сказать, вторично родился къ жизни, то онъ вошелъ въ нее съ готовой суммой „врожденныхъ“, инстинктивныхъ идей—и этимъ его дальнѣйшая судьба, какъ философа, была предопредѣлена. Отнынѣ онъ могъ уже видѣть только опредѣленныя вещи и не могъ видѣть другихъ, хотя бы онѣ прямо торчали передъ его глазами. Въ гипнозѣ—этомъ современномъ названіи

для одержимости—такъ и бываетъ: субъекту приказываютъ не видѣть, не замѣчать какого нибудь опредѣленнаго лица или вещи,—и онъ это послушно исполняетъ. Онъ, видя, не видитъ, онъ, различая, не различаетъ. Такъ и Плехановъ въ своемъ марксистско-гипнотическомъ жизненномъ снѣ, видя философскія проблемы, не видѣлъ ихъ. Наоборотъ, онъ даже удивлялся, недоумѣвалъ, сердился, когда другіе замѣчали ихъ. Онъ не понималъ цѣли этихъ исканій, когда все то, что нужно для духовной жизни, уже давно, по его мнѣнію, имѣется. И объясненія различнымъ выступленіямъ „молодыхъ" онъ искалъ въ легкомысліи, въ незнаніи марксовой философіи, въ погонѣ за модой. „У Клеопатры много любовниковъ", съ самымъ серьезнымъ видомъ объясняетъ онъ себѣ непонятное явленіе: интеллигенція вѣтрена, легкомысленна, ищетъ новизны, мѣняетъ свои симпатіи. Кантъ, Махъ, Пуанкарэ, Бергсонъ—все это прихоти, капризы Клеопатры—интеллигенціи. Онъ же, Плехановъ, вѣрной Пенелопой ждетъ возвращенія своего исчезнувшаго—увы, не навсегда ли?—супруга—діалектическаго матеріализма—удерживая пока безконечной пряжей цитатъ изъ Маркса, Гегеля, Энгельса приставанія многочисленныхъ жениховъ: махистовъ, эмпиріомонистовъ, символистовъ...

Не могъ, разумѣется, Плехановъ понять и сущности религіозныхъ исканій извѣстной части соціалистической интеллигенціи. При раціоналистическомъ типѣ мышленія Плеханова это и не

могло быть иначе. Говоря о плехановскомъ раціонализмѣ, надо, однако, помнить, что онъ двоякаго рода: одинъ—благопріобрѣтенный, полученный вмѣстѣ съ марксизмомъ, другой—природный, идущій, наоборотъ, противъ духа марксизма. Этотъ раціонализмъ второго рода выражается въ отсутствіи у Плеханова историчности, въ склонности къ чисто логическому, раціоналистическому анализу извѣстныхъ ученій (напр., анархизма, теорій Чернышевскаго), внѣ связи ихъ съ духовной атмосферой эпохи. Плехановъ любитъ упрекать молодыхъ, что они примиряютъ Маркса съ Махомъ, Кантомъ, Дицгеномъ. Самъ же онъ только тѣмъ и занимается, что примѣряетъ къ Марксу изучаемыхъ имъ авторовъ: Бакунина, Прудона, Чернышевскаго и пр. Читая Плеханова, чувствуешь себя иногда точно на пріемѣ новобранцевъ: изучаемые авторы раздѣваются Плехановымъ донага, одинъ за другимъ подводятся имъ къ прибору для измѣренія роста, на которомъ высоко—высоко обозначена мѣрка Маркса, и вслѣдъ затѣмъ раздается роковое „годенъ" или „негоденъ,—у Плеханова чаще всего „негоденъ".

Но для насъ здѣсь важнѣе раціонализмъ перваго рода, марксистскій. Въ марксизмѣ особенно сильно, если даже не исключительно, звучатъ боевыя ноты. „Природа не храмъ, а мастерская", говоритъ Тургеневскій Базаровъ. Для марксиста и эта формула слишкомъ мягка. Онъ даже не работникъ, а воинъ. Онъ вѣчно на боевомъ, лагерномъ положеніи. Преобладающій тонъ марксистской литературы полемическій. Полемика забирается даже въ объективную монументальную ра-

боту „Капитала“. Дѣло здѣсь, разумѣется, не въ однихъ только личныхъ свойствахъ такихъ людей, какъ Марксъ, Энгельсъ, Лассаль. Дѣло въ самомъ дѣлѣ, въ положеніи идеологовъ пролетаріата въ современномъ обществѣ. У нихъ лагерное настроеніе, ибо и въ дѣйствительности они всегда на лагерномъ положеніи. Они „солдаты революціи“, какъ Либкнехтъ, они „люди, т. е. борцы“, какъ сказано о другомъ видномъ соціалистическомъ дѣятелѣ. Матеріализмъ, раціонализмъ, полемизмъ—это преобладающее настроеніе идущихъ на штурмъ твердынь стараго общества слоевъ. Въ нихъ огромный запасъ гнѣва, желчи, сарказма,—и они должны освободиться отъ него, должны излить его на противника. Для сантиментовъ, для романтики здѣсь нѣтъ мѣста. Какіе возможны тутъ сантименты, при чемъ романтическія чувства, когда все время стоишь лицомъ къ лицу съ сильнымъ врагомъ, когда глазъ долженъ быть зоркимъ и вѣрнымъ, когда рука не должна дрогнуть? Современныя войны ведутся самымъ методическимъ и раціональнымъ образомъ; не нужны здѣсь Тиртеи, поднимающіе духъ своимъ пѣніемъ, не нужны Деціи, обрекающіе себя подземнымъ богамъ и облекающіеся въ пышныя одежды. Трезвость, трезвость и трезвость во всемъ!

Въ противоположность этому нарождается другое теченіе въ марксизмѣ, которое не желаетъ ограничиваться одной отрицательной, разрушительной, завоевательной работой. Оно думаетъ, что созидать можно будетъ не только на „слѣдующій день“ послѣ побѣды, но можно и должно даже теперь. Для него соціалистическая дѣятельность

не сводится къ одной только борьбѣ съ буржуазнымъ врагомъ, къ одной непрерывной кампаніи, а скорѣе должна походить на работу колониста, завоевывающаго культурѣ дикія страны: съ оружіемъ въ одной рукѣ, съ орудіемъ въ другой, онъ расчищаетъ первобытную чащу, истребляетъ хищнаго звѣря, сражается съ дикими туземцами—но тутъ же строитъ свои селенія, возводитъ города. Въ пресловутомъ богостроительствѣ въ уродливомъ видѣ скрыта идея такого строительства.

Но это лишь одна сторона вопроса. Дѣло не въ одномъ только дополненіи паѳоса отрицанія и полемики паѳосомъ утвержденія и творчества. Вопросъ идетъ уже о самой наличности въ соціализмѣ паѳоса вообще. Дѣло идетъ о созданіи, вѣрнѣе, объ открытіи въ новообразующейся коллективной психикѣ такихъ же неизсякаемыхъ источниковъ патетическихъ и энтузіастическихъ чувствъ, какими были прежде историческія религіи. Религіи сумѣли создать въ человѣкѣ необыденное, возвышенное настроеніе; оно скрашивало сѣрость будничнаго существованія, расцвѣчивало жизнь, осмысливало ее,—и все это во имя и съ помощью различныхъ системъ анимистическихъ иллюзій. Или даже, правильнѣе: человѣчество, проникнутое идеями анимизма, выражало свои чувства преображенности съ помощью сложныхъ религіозныхъ системъ. Но вотъ анимизмъ устраненъ, позитивизмъ (въ широкомъ смыслѣ слова) торжествуетъ—а соціализмъ строится на послѣдовательномъ позитивизмѣ—остается ли мѣсто для чувствъ возвышеннаго, торжественнаго, небуд-

ничнаго? Марксисткіе теоретики человѣкобожества отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно. Всѣ религіи представляютъ, по ихъ мнѣнію, съ эмоціональной стороны болѣе или менѣе сложные, болѣе или менѣе прозрачные, дериваты одного основнаго чувства, чувства рода, коллективности, человѣчества. Вмѣстѣ съ развитіемъ человѣчества, съ ростомъ его самосознанія, эта основа религіи выступаетъ во все болѣе и болѣе чистомъ видѣ, освобождаясь изъ подъ груды различныхъ миѳологическихъ наслоеній.

Я не буду продолжать здѣсь этого хода мыслей: о религіозной проблемѣ мнѣ придется поговорить еще въ особой работѣ. Мнѣ кажется, что именно въ этомъ направленіи—въ жаждѣ строительства и романтики, а не просто въ погонѣ за модой—слѣдуетъ искать психологической подоплеки марксисткихъ религіозныхъ „исканій". Другой, конечно, вопросъ, насколько удачна выбранная нашими богостроителями форма для выраженія этихъ новыхъ устремленій. Съ этой стороны критика ортодоксовъ вполнѣ правильна. Маргариновая „религія" Горькаго и Луначарскаго, съ ея маргариновымъ катехизисомъ и молитвами, съ ея маргариновыми чудесами, не можетъ не вызывать къ себѣ ироническаго отношенія. Раскрыть всю фальшь и вредность этой книжной затѣи—дѣло нужное. Но одного этого мало, надо также и разобраться въ причинахъ столь страннаго явленія. Ссылаться же, вмѣсто этого на то, будто „г. Луначарскій просто на просто поддѣлывался къ господствующему у насъ теперь общественному настроенію" („Совр. Міръ", ib. 183), а Горькій плохо понимаетъ марксизмъ и

потому подпалъ подъ вліяніе Луначарскаго—это значитъ не объяснять, а довольствоваться чисто раціоналистической отпиской: „это нелѣпо, это противорѣчиво, значитъ, ничего серьезнаго здѣсь нѣтъ и быть не можетъ". Между тѣмъ въ этой нелѣпой и надуманной религіи соціализма чувствуется какое-то біеніе жизни, поиски чего то нужнаго и не хватающаго марксизму. Въ марксизмѣ сильна, если можно такъ выразиться, вольтерьянская складка, въ немъ преобладаетъ сухой элементъ насмѣшки, сарказма, полемики, въ немъ отсутствуетъ романтическая влажность, линія Руссо. Плехановъ, конечно, не Вольтеръ марксизма, а Луначарскій еще менѣе похожъ на Руссо,—но Луначарскій ищетъ романтики, жаждетъ ея, и это цѣнно. На нашихъ глазахъ уходитъ то, что́ Марксъ называетъ до-исторіей человѣка. Земледѣльческій бытъ, обвѣянный поэзіей тысячелѣтій, смѣняется городской культурой. Старая жизнь рушится, а новая въ нее лишь внѣдряется, и внѣдряется тысячами произаическихъ мелочей обыденнаго существованія. Старая красота и поэзія отмираютъ, старыя иллюзіи угасаютъ, а новыя только еще въ процессѣ своего формированія. Въ томленіи по нимъ и состоитъ, можетъ быть, суть всѣхъ этихъ странныхъ исканій (беря явленіе въ чистомъ видѣ, т. е. отвлекаясь отъ всякаго рода накипи, отъ особыхъ условій переживаемаго нами момента, и пр.). Я понимаю человѣка, который бы сказалъ, что богостроители торопятся со своими поисками, что интеллигентскій авангардъ забѣжалъ слишкомъ впередъ со своими требованіями пролетарской поэзіи, пролетарской романтики. Я

понимаю, если скажутъ, что поэзія извѣстнаго быта отлагается очень медленно и постепенно—какъ медленно отлагается жемчугъ на жемчугоносной раковинѣ—и что всякое форсированіе въ этомъ направленіи хода событій приводитъ не къ здоровому романтизму, а къ болѣзненной и чахоточной риторикѣ. Я понимаю подобныя возраженія и сомнѣнія, но это совсѣмъ не то, что игнорировать вообще наличность здѣсь серьезной проблемы и серьезной потребности.

Раскрыть логическую путаницу идей Луначарскаго, высмѣять отличающую его иногда выспренность пареній въ области высокаго штиля—дѣло, понятно, не трудное,—и эта задача вполнѣ по плечу Плеханову: Плехановъ большой талантъ на остроты и вицы, или, если угодно, большой вице-талантъ. Но чего онъ при своемъ раціонализмѣ понять не можетъ—это, что есть какая то живая потребность, какая то неудовлетворенность и боль въ современномъ марксизмѣ (имѣя въ виду марксизмъ—міровоззрѣніе, а не исключительно соціально-политическую доктрину). Эта неудовлетворенность, разрѣшающаяся подчасъ въ уродливѣйшихъ и нелѣпѣйшихъ формахъ исканій, можетъ быть, кризисъ роста марксизма, который, какъ и всякій кризисъ роста, выражается въ далеко нераціональномъ видѣ. Когда организмъ „ломается“ — въ томъ смыслѣ, какъ ломается голосъ — то требуется особенно бережное отношеніе къ нему, нужно симпатическое пониманіе, сочувствіе, т. е. созвучное переживаніе настроеній. Плехановъ же подходитъ съ грубыми пріемами стариннаго лекарскаго искусства: „а—а! богосочи-

нительство! а—а! акаѳисты въ устахъ марксиста! но вѣдь это форменное сумасшествіе!“ и, не долго задумываясь, онъ надѣваетъ на непокорныхъ смирительную куртку своего укороченнаго марксизма. Ахъ, эта святая простота раціоналистическихъ и ясныхъ натуръ!..

Плехановъ человѣкъ догматическаго и раціоналистическаго типа. Но, если даже отвлечься отъ этого, одинъ тотъ фактъ, что мысль его въ продолженіе тридцати лѣтъ работала въ одномъ опредѣленномъ кругѣ идей, долженъ былъ бы ему затруднить пониманіе новой теоретической работы въ марксизмѣ. За Плехановымъ длинные годы своей собственной идейной работы, и онъ благодаря этому заслужилъ даже извѣстное право на консерватизмъ, право на непониманіе „молодыхъ“. Но, къ несчастію, Плехановъ злоупотребляетъ своимъ правомъ. И это одна изъ причинъ той остроты отношеній, которая возникаетъ на почвѣ идейныхъ столкновеній съ нимъ. Другой, еще болѣе важной, причиной является болѣзненно развитое сознаніе своего достоинства, какъ отца русскаго марксизма. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ Плехановъ не забываетъ напомнить, что онъ „былъ убѣжденнымъ марксистомъ уже тогда, когда папеньки многихъ изъ нашихъ меньшевиковъ только начинали ухаживать за ихъ маменьками“ („Дневникъ“, № 9, с. 14). Это утвержденіе Плеханова святая правда; ничего противъ него, дѣйствительно, сказать нельзя, хотя оно ничего же ровно и не доказываетъ. Но, когда человѣкъ постоянно имѣетъ въ душѣ это самочув-

ствіе, то для марксистовъ дальнѣйшихъ призывовъ должны получиться непріятные результаты. Плехановъ нерѣдко напоминаетъ волостнаго старшину Купріана Муравушкина изъ разсказа Успенскаго „Захотѣлъ быть умнѣй отца“, вразумлявшаго своего сына отъ развратныхъ поступковъ и требовавшаго отъ него покорности на томъ основаніи, что онъ его „сотворилъ такожде, какъ бы рыбу или птицу или пресмыкающую тварь“.

Плехановъ никакъ не можетъ забыть, что онъ „сотворилъ“ насъ марксистами, а не рыбами-либералами или пресмыкающимися—консерваторами, и за это мы должны теперь платить полной идейной покорностью, а не обуевать себя, какъ говоритъ тотъ же Муравушкинъ „форцемъ гордости и непочтенія“.

„Если-бы со всего свѣта собрать ученыхъ и книги“, увѣщеваетъ Муравушкинъ, „то и тогда отецъ твой превыше всѣхъ долженъ быть... Я уже просвѣщенъ Создателемъ какъ твой отецъ и заблаговременно уже знаю, что въ ожиданіи возобновленія Формозы, Вакери, въ Одеонѣ даютъ драму Жана Марраса семейство дармель никто не знаетъ, какъ онъ овдовѣлъ, но сынъ его Октавъ не помнитъ своей матери. Этотъ сынъ недавно женился и уже обманутъ своей женою Ирена такъ зовутъ ее, собирается бѣжать съ красивымъ офицеромъ гонтраномъ де-морвалемъ... или ты, безумецъ, осмѣливаешься думать, что я такъ глупъ по твоему высокому уму, что мнѣ неизвѣстно, когда отецъ Гонтрана схвативъ топоръ бросается въ одну изъ дверей, куда должна войти Ирена? Глупое твое высокоуміе“!

Впрочемъ, эта тирада принадлежитъ уже не Плеханову, а другому марксистскому Муравушкину, г. В. Ильину, который долженъ показать махистамъ, что онъ тоже просвѣщенъ Создателемъ и что ему вполнѣ извѣстно, когда отецъ Гонтрана де-Морваль бросается съ топоромъ на Ирену... то-бишь, что ему вполнѣ извѣстны отношенія Беркли, Маха, Авенаріуса и прочихъ участниковъ философской драмы. Результаты своего просвѣщенія и вдохновенія насчетъ судебъ „Семейства Дармель“ Ильинъ разсказалъ въ толстой, объемистой книгѣ: „Матеріализмъ и эмпиріокритицизмъ (критическія замѣтки объ одной реакціонной философіи)“.

III.

„Прикажутъ — и стану акушеромъ", или г. В. Ильинъ на стражѣ матеріализма.

Книга г. Ильина, въ отличіе отъ худосочныхъ фельетоновъ Плеханова и статей другихъ ортодоксовъ, задумана по широкому, основательному плану. Въ ней должно было быть дано генеральное сраженіе махистамъ, послѣ котораго отъ эмпиріокритицизма и родственныхъ ему теченій ничего не должно было бы остаться. Подъ скромнымъ названіемъ „критическихъ замѣтокъ" мы здѣсь имѣемъ своего рода „Анти-Маха", нѣчто подобное энгельсовскому „Анти-Дюрингу", который, въ свое время, однимъ ударомъ уничтожилъ начавшія распространяться среди нѣмецкихъ соціалистовъ дюрингіанскія идеи. Но въ отличіе отъ своего блестящаго образца, за отсутствіемъ достаточнаго запаса собственныхъ идей и яркаго литературнаго таланта, г. Ильинъ приналегъ больше на „эрудицію", предоставивъ выпискамъ изъ чужихъ книгъ большую половину своего труда. Онъ читалъ и выписывалъ, выписывалъ и читалъ, а книга все бухла, все пухла, раздувалась, точно отъ водянки. Многоглаголаніе, словонедержаніе—это, впрочемъ, старинная литературная болѣзнь В. Ильина. Гдѣ

другой довольствуется парой словъ, онъ наговоритъ ихъ десятки, гдѣ другой напишетъ небольшую статью, онъ изготовитъ цѣлую книжку, а гдѣ дѣло идетъ о книгѣ, онъ преподноситъ уже толстенный фоліантъ. Но въ данномъ случаѣ, по обстоятельствамъ дѣла, это многословіе было даже желательно. Плехановъ былъ такъ величественно-скупъ въ своихъ отвѣтахъ, такъ генеральски кратокъ и лакониченъ, что появленіе пространнаго комментарія его философскаго единомышленника можно было только привѣтствовать.

Итакъ, г. Ильинъ написалъ большую книгу, показывающую, что онъ усердно читалъ это время. Разумѣется, по новизнѣ дѣла, онъ надѣлалъ не мало крупныхъ и мелкихъ lapsus'овъ, но въ общемъ просматривая книгу Ильина, я только радовался его трудолюбію, радовался тому, что онъ отрѣшился отъ нерѣдкаго среди марксистовъ предразсудка не читать „буржуазныхъ" авторовъ, и даже вообще не читать. Правда, по человѣческой слабости, мнѣ было нѣсколько непріятно встрѣчать такъ часто эпитетъ „невѣжественный" въ примѣненіи къ махистамъ, и въ особенности ко мнѣ. Но я утѣшался мыслью, что это обычная гордыня автодидакта. Шутка-ли: на своемъ, такъ сказать, горбѣ вынесъ всѣхъ этихъ Беркли, Маховъ, Авенаріусовъ—ну и зазнался человѣкъ, зарапортовался. Утѣшенія эти не всегда помогали, но я отгонялъ дурныя мысли и старался радоваться философскимъ успѣхамъ этой „прозаической и нефилософской натуры", какъ, кажется, назвалъ Ильина Плехановъ.

Но чѣмъ дальше я читалъ, тѣмъ сильнѣе меня

разбирало раздумье — и опять-таки личнаго характера. Я сталъ спрашивать себя: почему однѣ и тѣ же книги, разъ ихъ цитируетъ г. Ильинъ, должны свидѣтельствовать объ его учености и пониманіи дѣла, приводимыя же мной даютъ только поводъ къ образованію горькой для меня характеристики Ворошилова и невѣжды? Справедливо-ли это? Справедливо-ли также то, продолжалъ я мысленно роптать, что извѣстныя проблемы или ходъ мыслей, поднимаемыя мной, не смягчаютъ моей печальной участи, а взятыя въ книгѣ Ильина, уснащенныя его матросскимъ лексикономъ, должны послужить къ вящщему прославленію его, какъ философа? Почему, напримѣръ, когда я возвожу исторію защищаемыхъ мной идей символизма до Гоббса и даже далѣе, до средневѣковыхъ номиналистовъ и греческихъ софистовъ. (См. „Очерки по философіи марксизма“, статья „о современной энергетикѣ“, с. 212)—то это объявляется невѣжествомъ, а когда „открывшій“ Беркли Ильинъ утверждаетъ, будто я ихъ заимствовалъ у этого писавшаго лѣтъ 50 послѣ Гоббса епископа, то это свидѣтельствуетъ и о его глубокой эрудиціи и о добросовѣстномъ чтеніи работъ противника? Почему, когда я указываю, что разрушенія понятія субстанціи датируетъ отъ Локка, за которымъ лишь слѣдуетъ Беркли, Юмъ и т. д. до Маха и Авенаріуса (ib., сс. 212—13)—то это мнѣ не вмѣняется въ смягчающее вину обстоятельство, а когда „открывшій“ Беркли Ильинъ приписываетъ ему именно устраненіе субстанціи, то это опять-таки говоритъ въ пользу его добросовѣстности и знанія вопроса? Почему?

Разъ начавши роптать, моя мысль не останавливается и все ищетъ новыхъ поводовъ для недовольства. Вотъ двѣ главы моей книги о „Матеріализмѣ и критическомъ реализмѣ“, трактующія: одна о „принципѣ соотносительности мышленія и бытія“, другая—о „различныхъ рѣшеніяхъ проблемы внѣшняго міра“. Тамъ приводятся взгляды Беркли, Лааса, Шопенгауера, Риля, Вундта, Шуппе, Шубертъ—Зольдерна, Авенаріуса, авенаріанцевъ Петцольдта и Вилли, Милля, Паульсена, Маха, по этому кардинальному вопросу. Цѣль этихъ главъ показать трудности этой проблемы, которыхъ, по моему, не рѣшаютъ окончательно въ реалистическомъ смыслѣ и теоріи Маха и Авенаріуса (въ слѣдующей же главѣ я дѣлаю попытку дать собственный отвѣтъ на этотъ вопросъ). Обращаюсь къ книгѣ Ильина, къ §§ о „принципіальной координаціи“ и „существовала-ли природа до человѣка“? (сс. 64—88), и съ удивленіемъ нахожу цѣлый рядъ авторовъ изъ приведенныхъ мной. Правда Шопенгауеръ тамъ убранъ, и его діалогъ между „субъектомъ“ и „матеріей“ замѣненъ —о, чудесная игра случая!—діалогомъ же Фихте между „читателемъ“ и „философомъ“, но Авенаріусъ, но Вилли, но Петцольдтъ, но Шубертъ—Зольдернъ, но Шуппе—эти тамъ, на своихъ мѣстахъ. Пусть не подумаетъ читатель, что я осмѣливаюсь заподозрить г. Ильина въ прикрытомъ площадной бранью заимствованіи у меня—какъ можно! Вѣдь книги Авенаріуса, Вилли и др. у меня не на откупу, и, сидя въ любомъ книгохранилищѣ, Ильинъ могъ ихъ такъ же легко раздобыть, какъ и я, скажемъ, въ Петербургской Пуб-

лнчной Библіотекѣ. Но почему же указаніе мной затрудненія, „надъ которымъ бились Авенаріусъ, Петцольдтъ и Вилли“ (см. книгу Ильина, с. 87)— и не только они одни—не избавляетъ меня отъ геенны невѣжества, а повторенное позже меня Ильинымъ оно становится образцомъ матеріалистической критики и всезнайства? Почему?

Почему, когда я (впервые въ библіографическомъ журналѣ „Книга“ въ 1907 г.) далъ критику Богданова—по свидѣтельству самого Богданова ту критику, которой не дали матеріалисты (см. „Приключенія одной философской школы“, с. 57)— то въ результатѣ оказалось, что я повторилъ „за матеріалистомъ Рахметовымъ (книжка котораго вышла на годъ позже моей статьи и почти одновременно съ моей книгой), что Богдановъ— идеалистъ“ (Ильинъ, с. 271); когда же Ильинъ въ 1909 г. высказываетъ часть изъ брошенныхъ мной Богданову обвиненій,—то онъ вполнѣ самостоятельно и независимо дошелъ до всего? Почему?

Не находя на эти вопросы никакого отвѣта, я начинаю считать себя кругомъ виноватымъ. Вотъ въ одномъ примѣчаніи у меня мелькомъ сказано что приписывавшаяся Плехановымъ Сѣченову теорія ощущеній—знаковъ высказывалась еще ранѣе Гельмгольцомъ въ его „Физіологической оптикѣ“ послѣ всего происшедшаго я начинаю думать, что заимствовалъ это свѣдѣніе у г. Ильина, растекшагося по поводу этого вопроса мыслью на цѣлыхъ весемь страницъ (274—282). Очевидно у того же Ильина я заимствовалъ пониманіе различія между теоріей-копіей и теоріей-символомъ, отъ него же я узналъ о кризисѣ въ современномъ

естествознаніи и пр. Да, странныя бываютъ иногда совпаденія на свѣтѣ...

А впрочемъ... Однажды въ присутствіи остроумнаго аббата Галіани обсуждался модный среди энциклопедистовъ вопросъ о существованіи цѣлесообразности въ природѣ. Матеріалисты, какъ и всегда, доказывали, что никакой цѣлесообразности нѣтъ, что одна простая игра случая, при безчисленномъ множествѣ комбинацій, можетъ привести и къ тому порядку явленій, который мы называемъ цѣлесообразнымъ. Молчавшій до тѣхъ поръ Галіани заговорилъ и разсказалъ, какъ онъ однажды встрѣтилъ на ярмаркѣ фокусника, подбрасывавшаго игральныя кости, которыя, къ удивленію Галіани, выпадали каждый разъ опредѣленнымъ числомъ очковъ. „Да что тутъ удивительнаго“, воскликнулъ кто-то изъ слушателей, „кости были фальшивы“. „Игральныя кости природы тоже фальшивы“, тихо замѣтилъ Галіани (Les dés de a nature sont pipés). Такъ же тихо я позволю себѣ замѣтить: боюсь, что игральныя кости литературной добросовѣстности и эрудиціи г. Ильина фальшивы...

Не берусь утверждать, не произошла ли подобная „игра случая“ съ моими сопреступниками по махизму—„Ворошиловымъ“ Валентиновымъ, „невѣжественными“ Базаровымъ, Гельфондомъ и пр. Не задавался я и скучной работой провѣрки тѣхъ многочисленныхъ цитатъ, среди которыхъ, какъ юркій адвокатъ среди вороха нагроможденныхъ имъ кляузъ, все время скользитъ г. Ильинъ. Меня бы не удивило, если бы и тамъ можно было наткнуться на любопытныя вещи. Таковъ, очевидно,

нравъ или, можетъ быть, профессіональная привычка В. Ильина. Это адвокатъ въ худшемъ смыслѣ слова, т. е. человѣкъ, готовый на все, не останавливающійся ни передъ чѣмъ для защиты взятаго имъ на себя дѣла. Не дочитать въ одномъ мѣстѣ, перечитать въ другомъ, смѣшать въ одну кучу взгляды разныхъ лицъ, крикнуть человѣку „мошенникъ!“ чуть ли не въ тотъ самый моментъ, когда залѣзаешь къ нему въ карманъ, закрывать дыры своего незнанія и непониманія сугубой развязностью и третированіемъ противника, вводить въ литературную полемику чисто борцовскіе нравы, а главное, пустить ябеду, безконечную крючкотворную ябеду въ видѣ саженныхъ выписокъ изъ Авенаріуса, Маха, Беркли, Рея и пр., въ которыхъ долженъ сломать себѣ ногу читатель—такова литературная манера этого новаго защитника матеріализма. Полемическіе пріемы Плеханова—не говорю ужъ верхъ литературнаго изящества—но верхъ джентльменства въ сравненіи съ этой литературой уличнаго ходатая. Во что выродился у этого эпигона марксизма геніальный сарказмъ Маркса, великолѣпная полемика Лассаля, Энгельса!

Но гг. Ильины и К°. подводятъ свой счетъ безъ хозяина. Въ марксизмѣ они не все еще убили своимъ идейнымъ хозяйничаньемъ, и есть еще читатель—не тотъ омеряченный ими подрайонный читатель, на слѣпомъ довѣріи котораго основывалась ихъ диктатура—а новый, жаждущій мысли и свѣта, читатель—марксистъ. Пусть они берегутся, какъ бы надъ ними не повторилась старая исторія о народившемся фараонѣ, который не зналъ Іосифа. Идетъ новое поколѣніе, которое не знаетъ ихъ

заслугъ, но знаетъ за то ихъ вины, которое не видѣло ихъ начала, но видитъ ихъ конецъ, и оно имъ воздастъ полной до краевъ мѣрой за угашеніе свободной мысли и за насажденіе черносотенныхъ нравовъ въ марксизмѣ! [1])...

Но перейдемъ къ дѣлу. Книга г. Ильина открывается „введеніемъ“, своего рода музыкальной прелюдіей, въ которой содержатся уже всѣ темы и лейтмотивы дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ этомъ введеніи излагается великое, сдѣланное нашимъ акушеромъ отъ философіи, открытіе: Махъ и махисты повторяютъ идеи, высказанныя Беркли еще въ 1710 г.! Можно представить себѣ восторженное изумленіе, овладѣвшее всѣми большими и малыми подъ-лениными, когда они увидѣли этотъ мастерскій ударъ, нанесенный махистамъ ихъ кумиромъ! Махизму ужъ двѣсти лѣтъ отъ роду, а его намъ преподносятъ, какъ новое, самоновѣйшее ученіе! Что за безстыдное невѣжество или что за безстыдная спекуляція на чужое невѣжество!

---

[1]) Чтобы не загромождать изложенія, я оставлю здѣсь безъ отвѣта нѣсколько мелкихъ кляузъ, направленныхъ противъ меня (о томъ, какъ я „извратилъ“ Вундта; какъ я „мошеннически“ увиливаю отъ отвѣта по вопросу объ единствѣ міра; какъ „поразительно мое невѣжество“ въ вопросѣ о филіаціи идей махизма, и т. д.). Съ такими молодцами, какъ В. Ильинъ, счетъ надо сводить копейка въ копейку, не слѣдовало бы оставить ни одной кляузы не разобранной до послѣдней нитки. Но въ небольшой статьѣ это немыслимо, и я поневолѣ прохожу мимо этихъ мелочей. Но пусть не думаетъ г. Ильинъ, что я ему окончательно дарю эту пару—другую передержекъ. Я ихъ оставляю у него пока на храненіи.

Но попробуемъ разобраться въ этомъ открытіи г. Ильина. Мы ужъ видѣли образчики его освѣдомленности въ вопросѣ о томъ, принадлежитъ ли Беркли честь перваго провозглашенія идей символизма и честь перваго разрушенія субстанціи. Въ томъ же духѣ дѣлаются и дальнѣйшія открытія. Встрѣтивъ у Беркли слова о людяхъ, защищающихъ „абсолютное существованіе чувственныхъ объектовъ въ себѣ", г. Ильинъ начинаетъ играть и скакать:

„Это написано въ 1710 г., т. е. за 14 лѣтъ до рожденія Иммануила Канта, а наши махисты—на основаніи якобы „новѣйшей" философіи—сдѣлали открытіе, что признаніе „вещей въ себѣ" есть результатъ зараженія или извращенія матеріализма кантіанствомъ! „Новыя" открытія махистовъ—результатъ поразительнаго невѣжества ихъ въ исторіи основныхъ философскихъ направленій" (с. 11).

Занятый уличеніемъ махистовъ, г. Ильинъ даже и не замѣчаетъ, какъ онъ каждый разъ—и пребольно—ущемляетъ самого себя. Когда мы упрекали Плеханова, что онъ кантіанизировалъ матеріализмъ ученіемъ о „вещи въ себѣ", то мы имѣли въ виду не вопросъ о реальномъ и независимомъ отъ субъекта существованіи „внѣшняго" міра—этотъ внѣшній міръ мы признаемъ вмѣстѣ съ Махомъ, Кантомъ, кѣмъ угодно, даже Беркли. Вопросъ шелъ лишь о томъ, какъ понимать этотъ внѣшній міръ, о томъ, что онъ представляетъ собой: для Маха—это тотъ же самый чувственный міръ красокъ, цвѣтовъ, звуковъ, который мы видимъ, слышимъ и пр.; для Беркли—

это мысли Божества; для матеріалистовъ типа Гоббса или Демокрита—это движеніе нѣкоторыхъ физическихъ частицъ; для Канта—это непознаваемая „вещь въ себѣ"; для Плеханова (не ставшаго еще окончательно на точку зрѣнія Милля) это была какая то окрошка изъ естественно-научнаго матеріализма, обрывковъ сенсуализма и кантовской не то непознаваемой, не то полупознаваемой „вещи въ себѣ". Вотъ за это то послѣднее и нападали мы на Плеханова и его единомышленниковъ. А нашъ горе-философъ прочелъ самую обыкновенную фразу въ Беркли, и уже кликушествуетъ, и уже поучаетъ, и даже не понимаетъ, что вопросъ о реальности внѣшняго міра гораздо древнѣе Беркли, что идеалистическую линію (объекты не существуютъ „внѣ ума") надо вести отъ Декарта—не даромъ первый упоминаемый въ исторіи солипсистъ былъ нѣкій безымянный малебраншистъ (см. Ланге, „Исторія матеріализма", с. 162)—и даже еще раньше, отъ Августина, со взглядами котораго имѣетъ такъ много общаго „методическое сомнѣніе" Картезія.... Увы, только знаніе есть мѣра самого себя и незнанія, или же —въ тонѣ полемической манеры Ильина—какъ говоритъ Кантъ: „невѣжество не сознаетъ себя невѣжествомъ".

Я ужъ указывалъ, что первые удары понятію о субстанціи нанесъ не Беркли, а Локкъ. Но и Беркли не разрушилъ этого понятія въ цѣломъ; онъ устранилъ только тѣлесную субстанцію (матерію), чтобъ тѣмъ крѣпче ухватиться за идею духовной субстанціи, нужную ему для его теологическихъ и спиритуалистическихъ спекуляцій. Объ

этомъ умалчиваетъ г. Ильинъ,—можетъ быть, по нежеланію сказать это, а можетъ быть, и по незнанію: за всѣмъ не услѣдишь при кинематографически быстромъ превращеніи въ философа. А между тѣмъ признаніе духовной субстанціи рѣзко отдѣляетъ Беркли уже отъ слѣдовавшаго за нимъ Юма. Если г. Ильинъ считаетъ такимъ важнымъ фактомъ произведенное Беркли усѣченіе „матеріи", то обыкновенная логика должна была бы ему подсказать, что не менѣе важнымъ шагомъ является и устраненіе, „духа". Матеріализмъ признаетъ основной физическую субстанцію (матерію), идеализмъ—психическую (духъ); реализмъ отрицаетъ оба эти вида субстанціи, и поэтому его также мало можно смѣшивать съ берклiевымъ идеализмомъ, какъ и съ гоббсовымъ матеріализмомъ. Но г. Ильинъ этого не понимаетъ, или это ему не выгодно понять; вѣдь ему нужно пустить кляузу—пока тамъ въ ней еще разберутся!—и вотъ только вскользь, изрѣдка, онъ упоминаетъ объ юмистской линіи, имѣющейся въ махизмѣ на ряду съ „берклеанствомъ".

Что же остается отъ великаго открытія г. Ильина? Остается нѣсколько ложныхъ утвержденій и фактъ полнаго непониманія имъ различія между взглядами Маха, Авенаріуса и пр. и ученіемъ Беркли. Но и въ этомъ послѣднемъ фактѣ его уже давно предупредили различные критики и даже единомышленники Маха. Даже и здѣсь нашему философу—обычная судьба русскихъ изобрѣтателей-самоучекъ—не удается сказать новаго слова. Онъ не понялъ Маха, и не понялъ его ровно настолько, и ровно такимъ же образомъ, какъ его не поняли нѣкоторые иностранные авторы. Чтобы выяснить

различіе между берклiевымъ идеализмомъ и концепціей Маха, я позволю себѣ привести отрывокъ изъ одной моей статьи, касающейся этого непониманія Маха со стороны одного изъ послѣдователей его, Клайнпетера:

„Смѣшеніе идеалистической теоріи (Беркли) съ ученіемъ современнаго критическаго реализма представляетъ грубое извращеніе послѣдняго. Клайнпетеръ, повидимому, попросту не понялъ того новаго, что́ имѣется въ идеяхъ Маха и его единомышленниковъ, проглядѣлъ изъ за нѣкоторой неточности терминологіи совершенное ими коперниканское измѣненіе точки зрѣнія.

„Въ наукѣ, въ философіи, въ жизни нерѣдки случаи, когда простое перемѣщеніе точки зрѣнія, когда простая постановка вопроса, выражаясь грубо, шиворотъ-на-выворотъ, вноситъ новый неожиданный свѣтъ въ изучаемую проблему. Люди сотни и тысячи лѣтъ изучали движеніе небесныхъ тѣлъ, исходя изъ предположенія о неподвижности земли; въ результатѣ получалась запутанная, съ трудомъ поддававшаяся упрощенію, картина. Но вотъ пришелъ Коперникъ съ смѣлой идеей перевернуть всѣ отношенія вверхъ ногами: покоится, предположилъ онъ, не земля, а солнце—и это предположеніе сразу открыло для астрономіи безграничныя перспективы.—Кантъ разсуждалъ: „До сихъ поръ господствовало представленіе, что всѣ наши познанія должны сообразоваться съ предметами; однако при этомъ предположеніи всѣ попытки дойти a priori черезъ понятія до чего либо, что́ расширяло бы наши знанія о предметахъ, рушились. Поэтому слѣдуетъ хоть разъ испытать,

не разрѣшимъ ли мы задачи метафизики болѣе удачно, если предположимъ, что предметы должны сообразоваться съ нашимъ знаніемъ, тѣмъ болѣе, что это предположеніе лучше согласуется съ требованіемъ возможности апріорнаго знанія, которое должно установить нѣкоторыя положенія о предметахъ раньше, чѣмъ предметы даны намъ" („Кр. чист. разума", перев. Лосскаго, с. 12, курсивъ мой). Изъ этого измѣненія точки зрѣнія, которое самъ Кантъ сравниваетъ съ дѣломъ Коперника, родилась Кантова критика и, съ нею, добрая половина всей философской мысли послѣдняго вѣка.—Въ наукѣ объ электричествѣ до приблизительно середины 19 столѣтія господствовало ученіе объ электричествѣ, какъ объ особой невѣсомой жидкости, распространяющейся по такъ называемымъ проводникамъ и останавливаемой въ своемъ движеніи непроводниками (изоляторами). Фарадей и Максуэлль революціонизировали всю эту область науки, взглянувъ на вещи навыворотъ: мѣсто дѣйствія электрическихъ силъ не проводники, а, наоборотъ, окружающій ихъ эѳиръ; проводники же — это провалы, пустоты въ эѳирѣ; они — электрически непрозрачныя тѣла между тѣмъ какъ изоляторы представляютъ аналоги прозрачныхъ тѣлъ.

„Такъ же „шиворотъ-на-выворотъ" взглянули на вещи Авенаріусъ, Махъ и родственные имъ мыслители. Махъ приводитъ въ своемъ „Анализѣ ощущеній" слѣдующее любопытное разсужденіе физіолога Геринга: „Матеріалъ, изъ котораго состоятъ видимыя вещи, составляютъ зрительныя ощущенія. Какъ видимая вещь, заходящее солнце

есть плоскій кругообразный дискъ, состоящій изъ желговато-краснаго и, слѣдовательно, изъ зрительнаго ощущенія. Мы можемъ его поэтому и назвать кругообразнымъ желтовато-краснымъ ощущеніемъ. Ощущеніе это мы имѣемъ именно тамъ, гдѣ солнце намъ является" („Анал. ощущеній", переводъ Котляра, с. 32, курсивъ Маха) Ощущенія такимъ образомъ не часть моего сознанія, моего „я", они не во мнѣ, какъ думаютъ идеалисты, они тамъ, гдѣ они являются, они внѣ меня. Выражаясь схематически: не ощущенія во мнѣ, а я въ ощущеніяхъ, — въ этомъ состоитъ коперниканскій переворотъ, произведенный современной научной философіей, переворотъ, отнявшій всякую почву у идеалистическаго ученія о мірѣ, какъ представленіи субъекта. Но ощущеніе внѣ меня—это ужъ не есть „ощущеніе" въ традиціонномъ субъективномъ смыслѣ слова,—это „вещь", „элементъ", или какъ тамъ его ни назвать,—элементъ, являющійся въ одной комбинаціи, какъ психическое, а въ другой—какъ физическое" [1]).

Для Беркли (и вообще для идеалистовъ) зеленый цвѣтъ стола это „часть" моего „сознанія", это—„мое" ощущеніе, это—находящееся во „мнѣ" представленіе, и т. д. (при чемъ всѣ эти опредѣленія—несмотря на догматъ о непротяженности души—носятъ явно пространственный характеръ, являясь такимъ образомъ пережитками стариннаго матеріалистическаго приниманія души). Для Маха зеленый цвѣтъ есть тотъ самый „чувствен-

[1]) Изъ предисловія къ переводу книги Клайнпетера „Теорія познанія современнаго естествознанія", выходящ. въ изд. „Шиповникъ".

ный объектъ въ себѣ", который Ильинъ открылъ у матеріалистовъ эпохи Беркли,—онъ независимая отъ меня вещь, существующая тамъ и такъ, какъ я ее застаю въ своемъ опытѣ. Для субъективнаго идеалиста, если я отворачиваюсь отъ стола, его цвѣтъ и онъ самъ перестаетъ существовать; для Беркли съ его объективнымъ идеализмомъ онъ продолжаетъ существовать, но только благодаря тому, что его мыслитъ Божество, поддерживая такимъ образомъ его существованіе; для Маха онъ существуетъ въ такомъ же видѣ, какъ когда я смотрю на него. Эта послѣдняя, маховская, точка зрѣнія есть точка зрѣнія наивнаго реализма. И если бы не было внутри - индивидуальныхъ и межъ - индивидуальныхъ варіацій (палка въ водѣ на ощупь пряма, для глаза—сломана; я вижу зеленое, гдѣ другой видитъ красное, и т. д.), то не было бы необходимости измѣнять или дополнять эту точку зрѣнія. Но фактъ варіацій, фактъ иллюзій, заблужденій и пр. раскрываетъ передъ нами рядъ противорѣчій, устраненіе которыхъ выводитъ насъ за предѣлы точки зрѣнія наивнаго реализма. Я не буду останавливаться здѣсь на томъ, въ какомъ направленіи дѣлались и дѣлаются эти попытки. Интересующагося этимъ читателя я отошлю къ указаннымъ выше главамъ моей книги о „Матеріализмѣ", гдѣ я прихожу къ выводу о недостаточности чисто описательной точки зрѣнія Маха и Авенаріуса и о необходимости дополненія ея символической концепціей. Но одно дѣло недостаточность эмпиріокритической теоріи, а другое—грубое смѣшеніе ея съ берклеанствомъ и идеализмомъ.

Изъ всего этого видно, какую степень понятливости обнаруживаетъ г. Ильинъ, когда приравниваетъ ученіе Маха и Авенаріуса къ идеалистическому тезису о томъ, что „міръ есть мое представленіе" и дѣлаетъ изъ него солипсистскіе выводы (см. с. 32). Любопытно было бы знать, какими рисуетъ себѣ г. Ильинъ дѣтей или вообще нетронутыхъ философскимъ сомнѣніемъ обыкновенныхъ людей: неужели сплошь берклеанцами и солипсистами? Онъ, можетъ быть, скажетъ, что у нихъ нѣтъ разработанныхъ идеалистическихъ понятій объ ощущеніяхъ, о сознаніи, какъ носителѣ ихъ, о „я",—но у нихъ нѣтъ и понятія о „матеріи" (которая, согласно Ильину, будто бы „дана" намъ въ ощущеніяхъ). Махизмъ, имѣя передъ собой все это наслѣдіе ненужныхъ, по его мнѣнію, понятій, устраняетъ ихъ, устраняетъ какъ матерію, такъ и ощущенія, чтобы вернуться въ потерянный рай наивнаго реализма. Можно считать иллюзіей мечту о подобномъ возвратѣ, можно сказать, что разъ родившуюся критическую мысль отмыслить ужъ нельзя—но при чемъ здѣсь солипсизмъ и берклеанство?

Махизмъ, желая указать на свой возвратъ къ наивно-реалистической точкѣ зрѣнія, отбрасываетъ порожденное дуализмомъ и отдающее идеализмомъ слово „ощущеніе", замѣняя его терминомъ „элементъ". Для г. Ильина это, разумѣется, чисто словесная замѣна. Онъ не понимаетъ, что здѣсь дѣло идетъ объ устраненіи стариннаго дуализма „вещи" и „ощущенія". „Элементъ" Маха и Авенаріуса—это и есть слитное единство ощущенія—вещи, распадающеся, въ зависимости отъ комбинаціи, въ

которой оно взято, на „ощущеніе“ (психическое) и „вещь“ (физическое). „Зеленое“—это ощущеніе въ психической комбинаціи (т. е. взятое въ связи съ моей сѣтчаткой и пр.), — это вещь въ физической комбинаціи (т. е. въ связи съ солнечнымъ освѣщеніемъ и пр.). Повторяю: можно находить въ этой теоріи тѣ или иные пробѣлы, можно ее даже цѣликомъ отвергать,—но смѣшивать ее съ идеализмомъ Беркли рѣшительно невозможно.

Въ исторіи мысли понятіе объ ощущеніи вырабатывалось, какъ антитеза понятію вещи,—и эту антитезу стремится преодолѣть современный реализмъ. Но это лишь одна линія развитія указываемаго понятія. Оно развивалось также и въ видѣ полярности: ощущеніе — ощущающій (душа — тѣло, мысль—мозгъ), которая тоже, но съ другой стороны, приводила къ дуализму психическаго и физическаго. Эти двѣ линіи развитія надо отличать другъ отъ друга. Если современный реализмъ въ понятіи элемента разрѣшаетъ дуализмъ ощущенія—вещи, то въ дуализмѣ ощущеніе—ощущающій онъ прежде всего устраняетъ всякаго рода анимистическіе пережитки, въ видѣ субстанціальной души, „я“, въ видѣ „психическаго“, разсматриваемаго, какъ внутренняя сторона „физическаго“, и т. д. Дуализмъ — или, если угодно, двойственность—психическаго и физическаго остаются здѣсь, но дѣло происходитъ въ совсѣмъ иной плоскости, чѣмъ обыкновенно до сихъ поръ. Мозгъ — согласно этой точкѣ зрѣнія—не порождаетъ „ощущеніе“ зеленаго стола, за которымъ я сижу, не вызываетъ этого ощущенія, онъ не есть „сѣдалище“ зеленаго цвѣта и пр.—вѣдь зеленый

цвѣтъ вмѣстѣ со столомъ есть особая, находящаяся внѣ мозга, вещь. Мозгъ есть лишь условіе, при которомъ имѣется „ощущеніе“ зеленаго цвѣта, при которомъ зеленое изъ вещи становится ощущеніемъ. Есть ли для Маха это „ощущеніе“ зеленаго цвѣта копія зеленаго цвѣта „самого по себѣ“, или же результатъ воздѣйствія на мозгъ движенія какихъ нибудь частицъ, и пр.? Нѣтъ. Это есть тотъ самый зеленый цвѣтъ, который въ другой связи, какъ вещь, фигурируетъ въ физическомъ ряду. Какъ мужчина можетъ быть одновременно отцомъ и сыномъ, не раздваиваясь, а оставаясь той же личностью, но взятой въ различныхъ отношеніяхъ къ другимъ личностямъ, такъ и элементъ „зеленый“ можетъ проявляться и въ видѣ физическаго, и въ видѣ психическаго явленія. Но мужчина всегда бываетъ сыномъ, не будучи непремѣнно отцомъ. Такъ зеленое всегда бываетъ физическимъ, и лишь при исполненіи извѣстныхъ условій оказывается и психическимъ. Эти условія—наличность живого организма съ нервной системой и пр. Отношеніе между мозгомъ и ощущеніемъ и есть отношеніе между условіемъ и обусловливаемымъ, это связь соотвѣтствія, связь параллелизма, эпифеноменальная связь. Образомъ ея, какъ я уже сказалъ въ книгѣ о „Матеріализмѣ“, можетъ служить отношеніе между написанной (или сказанной) фразой и смысломъ ея, или вообще между символомъ и символизируемымъ. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующее предложеніе:

„В. Ильинъ ничего не понимаетъ ни въ махизмѣ, который онъ опровергаетъ, ни въ матеріа-

лизмѣ, который онъ защищаетъ, хотя и написалъ на эти темы неряшливый томъ въ 400 страницъ".

Совокупность письменныхъ знаковъ, изъ которыхъ составлена эта фраза—это аналогъ физическаго, феноменальнаго, объективнаго; смыслъ же этой фразы—аналогъ психическаго, эпифеноменальнаго (терминъ Гексли), эективнаго (терминъ Клиффорда). Этотъ смыслъ не порожденъ, не вызванъ письменными знаками; буквенный рядъ не является сѣдалищемъ или органомъ смысла; смыслъ не находится ни въ буквахъ, ни гдѣ нибудь за буквами—но въ то же время онъ является „зависимымъ рядомъ", какъ сказалъ бы Авенаріусъ, по отношенію къ буквамъ, какъ „ряду независимому". Безъ буквъ (или аналогичныхъ чувственныхъ знаковъ) смыслъ не можетъ существовать, между тѣмъ какъ могутъ существовать комбинаціи буквъ или знаковъ, не имѣющія никакого смысла (подобно тому, какъ бываютъ физическіе процессы—и даже въ мозгу—не имѣющіе своего психическаго эпифеномена, между тѣмъ какъ всякое „психическое" непремѣнно имѣетъ соотвѣтствующій ему „физическій" членъ). Связь между символизируемымъ и символомъ—эпифеноменальная связь—это особый типъ функціональной, логической, или какъ тамъ ни назвать ее, зависимости, не имѣющій ничего общаго съ причиннымъ отношеніемъ (въ его различныхъ формахъ). Эпифеноменъ—это явленіе сверхсмѣтное, не идущее въ счетъ въ физическомъ смыслѣ. Это, такъ сказать, невѣсомый феноменъ. Его энергетическое значеніе равно нулю.

Для г. Ильина все это останется, конечно, китайской грамотой, какъ остались для него китайской грамотой ясныя заявленія Маха и Авенаріуса. На протяженіи десятковъ страницъ онъ безнадежно путается среди выписокъ изъ Авенаріуса, Маха, Пирсона, Базарова, сталкиваетъ ихъ между собой, потомъ разводитъ, потомъ сызнова сводитъ, словомъ трудится надъ своей философской кляузой изо всѣхъ силъ,—а толку никакого: какимъ онъ погрузился въ это море цитатъ, такимъ онъ изъ него и вышелъ [1]).

Для него вопросъ ставится все въ тѣхъ же старыхъ миѳологическихъ терминахъ „духа" и „тѣла", которые элиминируетъ современный позитивизмъ. Съ упорствомъ дятла онъ долбитъ свое:

---

[1]) Не обходится здѣсь, разумѣется, безъ недочитыванія и другихъ пріемовъ истинно-ильинской матеріалистической критики. Базаровъ утверждаетъ, что Авенаріусъ не станетъ спорить противъ того, что мысль есть функція мозга. Приведя это утвержденіе, г. Ильинъ приходитъ въ негодованіе: „это прямая неправда". А доказательство? Вотъ они. Въ „Человѣческомъ понятіи о мірѣ" Авенаріусъ говоритъ, что мозгъ не есть обиталище, сѣдалище, созидатель, органъ, носитель, субстратъ и т. д. мышленія. А въ своихъ „Замѣчаніяхъ къ психологіи" онъ рѣшительно выражается, что представленія „не суть функціи (физіологическія, психическія, психофизическія) мозга" и пр. (Ильинъ, с. 89).

Такимъ образомъ все ученіе Авенаріуса о зависимомъ и независимомъ рядѣ—т. е. то, на чемъ построена его „Критика чистаго опыта"—вычеркнуто однимъ взмахомъ пера, и только потому, что для выраженія этой логической зависимости Авенаріусъ не пользовался терминами, говорящими о зависимости иного рода (причиннаго, пространственнаго типа). Что касается цитаты изъ „Замѣчаній", то Ильинъ злостно извращаетъ дѣло. Для Авенаріуса зависимость между мозгомъ и мыслью не есть

или духъ есть вторичное, производное, функція мозга, отраженіе внѣшняго міра,—или духъ есть первичное, и функціей его является тѣло...

Ахъ, почто за мечъ воинственный
Я свой посохъ отдала!
И тобою, дубъ таинственный,
Очарована была!...

Зачѣмъ, зачѣмъ его оторвали отъ аграрной сохи?

Перейдемъ теперь къ вопросу о „вещи въ себѣ", этому злополучнѣйшему для всѣхъ нашихъ ортодоксовъ вопросу. Однако, какъ ни путается въ этомъ вопросѣ Плехановъ, въ сравненіи съ жалкимъ лепетомъ Ильина, онъ вырисовывается, какъ настоящій Монбланъ философскаго глубокомыслія. Г. Ильинъ умудряется здѣсь быть ниже даже самого себя, что̀, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ ему находиться все время въ превосходнѣйшемъ настроеніи духа.

дѣйствительно, функція физіологическаго, психическаго или психофизическаго типа, а функція въ логическомъ, математическомъ смыслѣ. Если-бы г. Ильинъ далъ себѣ трудъ толкомъ прочитать эту статью Авенаріуса, взять то, что̀ говорится въ продолженіи ея въ слѣдующемъ томѣ, то онъ увидѣлъ-бы, что Авенаріусъ, отклоняя метафизическій, какъ онъ говоритъ, параллелизмъ физическаго и психическаго, прямо принимаетъ логическій (функціональный) параллелизмъ (см. „Vierteljahreschrift fur wissen. Phil." за 1905 г. с. 13 и сл.).

И человѣкъ, такъ радикально не понимающій ученіе того, кого онъ называетъ „кривлякой Авенаріусомъ", не прочитавшій даже толкомъ работу критикуемаго имъ автора, осмѣливается бросать другому обвиненіе въ неправдѣ!

„Вещь въ себѣ" для Ильина не отличается отъ явленія: неуловимую, непознаваемую кантовскую вещь—ноуменъ онъ отвергаетъ. Весь міръ принципіально познаваемъ, а фактически онъ все болѣе и болѣе познается. Этотъ ростъ познанія и есть превращеніе „вещи въ себѣ" въ „вещь для насъ"...

Но, попробуетъ здѣсь прервать Ильина иной неосторожный читатель, вѣдь махисты говорятъ по существу то же самое, избѣгая только употребленія слова „вещь въ себѣ", съ которымъ связаны въ исторіи философіи очень опредѣленныя и дурныя ассоціаціи?

Однако г. Ильинъ даже и слушать не хочетъ; для махистовъ, какъ онъ это завѣдомо знаетъ, существуютъ только ощущенія, для нихъ нѣтъ никакихъ вещей, они солипсисты, и т. д. вся сказка про бѣлаго бычка. Матеріалисты же исходятъ не изъ ощущеній, а изъ находящихся внѣ ума объектовъ, „копіями", „отображеніями", „снимками" которыхъ являются наши ощущенія и идеи.

Эту формулу объ ощущеніяхъ, копирующихъ, отображающихъ, фотографирующихъ и т. д. внѣшніе объекты, г. Ильинъ повторяетъ десятки разъ, не догадываясь даже, какъ она гибельна для его матеріализма. Приглядимся, въ самомъ дѣлѣ, къ ней.

Я вижу передъ собой зеленый столъ. Это мой опытъ, мое ощущеніе, мое субъективное воспріятіе. Что соотвѣтствуетъ ему въ объективномъ порядкѣ, т. е., напримѣръ, тогда, когда я отворачиваюсь отъ него? Мы уже видѣли тѣ различные отвѣты, которые даютъ на это махисты, кантіанцы, есте-

ственно-научные матеріалисты, Милль, Плехановъ и пр. Что же думаетъ по этому поводу г. Ильинъ? Что говоритъ онъ, когда отдыхаетъ отъ „разноса“ махистовъ? Какъ это ни странно для человѣка, написавшаго десятки и сотни страницъ на эту тему, г. Ильинъ ровно ничего не говоритъ объ этомъ прямо, и намъ только косвеннымъ образомъ приходится умозаключать о сущности его „матеріализма“. Въ одномъ мѣстѣ г. Ильинъ цитируетъ слѣдующія слова Вилли:

„Въ качествѣ догмы наивный реализмъ былъ бы не чѣмъ инымъ, какъ вѣрой въ вещи въ себѣ, существующія внѣ человѣка, въ ихъ чувственно-осязательномъ видѣ“ (с. 73)

Это сказано Вилли въ связи съ разборомъ ученія Авенаріуса, но это для насъ не важно. Важно то, что Вилли здѣсь правильно характеризуетъ наивный реализмъ, какъ ученіе, согласно которому вещи существуютъ независимо отъ человѣка въ томъ самомъ чувственномъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ воспринимаетъ: зеленый столъ существуетъ, какъ таковой, и независимо отъ того, гляжу ли я на него или нѣтъ. Эту точку зрѣнія защищаютъ — оставимъ въ сторонѣ вопросъ объ Авенаріусѣ съ его принципіальной координаціей— Махъ и Петцольдтъ. Какъ же относится къ этому разсужденію г. Ильинъ? Онъ снабжаетъ его слѣдующимъ любопытнымъ комментаріемъ:

„Другими словами: единственная теорія познанія, дѣйствительно созданная въ настоящемъ, а не фиктивномъ согласіи съ „наивнымъ реализмомъ“ есть, по мнѣнію Вилли, матеріализмъ!“ (73)

Итакъ ученіе о существованіи вещей въ ихъ чувственно-осязательномъ видѣ, иначе говоря наивный реализмъ, иначе говоря махизмъ, есть для г. Ильина матеріализмъ! [1]) И это онъ утверждаетъ съ ликованіемъ, съ восклицательнымъ знакомъ! И на с. 82 съ тѣмъ-же восторгомъ разсказываетъ о „матеріализмѣ“ Вилли. Что за чудеса! Боюсь, что какіе то коварные волшебники преслѣдуютъ г. Ильина, какъ нѣкогда ламанчскаго рыцаря, и незамѣтно для него подмѣнили сладчайшую Дульцинею матеріализма грубой Альдонсой махизма. Какъ бы не пришлось вѣрному Санхо Пансѣ Ильина, автору статьи „Не по дорогѣ“, нанести себѣ собственноручно нѣсколько тысячъ ударовъ по голому тѣлу, чтобъ вернуть обезображенной красавицѣ ея прежній видъ...

Къ тому же самому выводу о смѣшеніи матеріализма съ реализмомъ мы придемъ, анализируя ученіе г. Ильина объ ощущеніяхъ-копіяхъ, фотографическихъ снимкахъ, отраженіяхъ и т. д. объективной реальности, — ученіе, составляющее фундаментъ всей ильинской „гносеологіи“. Г. Ильинъ упрекаетъ Плеханова въ томъ, что онъ

---

[1]) Это курьезное усвоеніе махизма человѣкомъ, котораго малѣйшій открытый намекъ на махизмъ приводитъ въ состояніе невмѣняемости, объясняется—не говоря ужъ объ общей причинѣ, т. е. непониманіи какъ махизма, такъ и матеріализма—тѣмъ, что Вилли употребляетъ выраженіе вещи „въ себѣ“. Эти два маленькихъ слова „въ себѣ“ (или равносильныя съ ними слова: „объективный“ и пр.) производятъ на Ильина магическое дѣйствіе. Съ этой простой наживки его можно заставить проглотить какой угодно крючекъ. Мы ужъ это видѣли на примѣрѣ берклие-

усвоилъ себѣ іероглифическую (символическую) теорію Гельмгольца. Ощущенія — не символы внѣшнихъ явленій, не имѣющіе съ ними никакого сходства, не знаки, какъ это думалъ Гельмгольцъ,—поучаетъ Ильинъ—ощущенія суть образы, вѣрные снимки съ нихъ и т. д.

Нашъ философскій рыцарь печальнаго образа даже не догадывается, что собственными руками подрубаетъ тотъ сукъ, на которомъ держится матеріализмъ, онъ не понимаетъ, что „символическій" матеріализмъ это и есть единственно возможный матеріализмъ, что матеріализмъ копіи — это не матеріализмъ, а наивный — даже наивнѣйшій — реализмъ. Какъ объясняетъ матеріалистическая физика ощущенія, напр., ощущеніе зеленаго цвѣта? Неужели она видитъ въ немъ вѣрный снимокъ съ „объективной реальности" (с. 141)? Ничего подобнаго. Для нея субъективному ощущенію зеленаго цвѣта въ объективномъ порядкѣ соотвѣтствуетъ шестьсотъ трилльоновъ колебаній эѳира. Сказать, что зеленый цвѣтъ есть болѣе или менѣе точная копія шестисотъ трилльоновъ колебаній, а красный цвѣтъ—болѣе или менѣе вѣрный снимокъ четырехсотъ трилльоновъ колебаній, а такой то звукъ правильное отраженіе столькихъ то воздушныхъ вибрацій — это значитъ или употреблять безсмысленный жаргонъ, или не понимать того, что говоришь. Здѣсь единственно возможное отношеніе — это отношеніе знака къ означаемому, сим-

выхъ „чувственныхъ объектовъ въ себѣ". См. также на сс. 142—142 разсужденія о матеріи, объективной реальности и проч.

вола къ символизируемому, отношеніе того порядка, которое въ математикѣ называется однозначнымъ сопряженіемъ. Г. Ильина пугаетъ, что символъ есть условный знакъ (с. 278 и въ другихъ мѣстахъ) и что, значитъ, въ вопросъ объ отношеніяхъ между ощущеніями и внѣшнимъ міромъ врывается грозный призракъ условности и произвола, могущій нарушить объективность и детерминизмъ природы. Онъ, повидимому, не догадывается, что условность не есть непремѣнный признакъ символической, эпифеноменальной связи. Связь между мозгомъ и ощущеніемъ, какъ мы видѣли, есть тоже связь эпифеноменизма, но ничего условнаго и произвольнаго въ ней нѣтъ.

Итакъ ощущеніе, по Ильину, не есть символъ объективной реальности, а копія ея. Примѣняя эту тоорію къ поднятому выше вопросу о столѣ, мы должны сказать, что видимый мной зеленый столъ есть копія зеленаго „въ себѣ" стола. Т. е. мы опять таки упираемся въ вилліевскій „матеріализмъ" чувственно-осязательныхъ вещей въ себѣ, т. е. въ тотъ наивный реализмъ, къ которому близокъ и Махъ.

Но есть и различіе между теоріей Маха и „матеріализмомъ" Ильина, — и, конечно, не въ пользу Ильина. Для Маха нѣтъ зеленаго стола, съ одной стороны, и его зеленой копіи въ сознаніи, съ другой: для него есть только одинъ нераздѣльный столъ. Теорія же Ильина напоминаетъ тѣ первоначальныя попытки научной мысли, когда процессъ зрѣнія (слуха и т. д.) объясняли себѣ тѣмъ, что отъ тѣлъ отдѣляются маленькія пленки, образы (eidôla) ихъ, попадающіе потомъ въ

глазъ (или ухо) и составляющіе собой феноменъ ощущенія. Представленія подобнаго рода и легли собственно въ основу сложившейся потомъ теоріи знанія—копіи. Къ этому наивнѣйшему реализму и сводится матеріализмъ Ильина. Изъ всѣхъ его воинственныхъ затѣй противъ махизма получается, въ концѣ концовъ, паденіе въ до-демокритовское мышленіе,—результатъ, къ которому онъ врядъ ли стремился. Но такова уже судьба чуть ли не всѣхъ человѣческихъ затѣй и плановъ. Какъ говорится въ вольтеровскомъ Мемнонѣ

Nous tromper dans nos entreprises
C'est à quoi nous sommes sujets;
Le matin je fais des projets,
Et le long du jour des sottises.
„По утрамъ мы строимъ планы,
Днемъ же глупости творимъ".

Я не буду разбирать этой грубо-реалистической концепціи, составляющей собственно основное ядро ильинскаго матеріализма. Это хорошо сдѣлано В. Базаровымъ въ предисловіи къ его книгѣ „На два фронта", куда я и отсылаю читателя. Но эта основная линія мысли пересѣкается другой группой идей, исходящей уже не отъ того матеріализма въ пиквиккскомъ слыслѣ слова, который себѣ усвоили наши ортодоксы и который сводится къ безсодержательнымъ тавтологіямъ: матерія есть первичное, а духъ — вторичное, она объективная реальность, то, что́ дѣйствуетъ на наши органы чувствъ и пр. („Ильинъ", с. 163),—а отъ матеріализма естественниковъ. Тутъ то и происходятъ

великолѣпнѣйшіе курьезы, не худшіе въ этой вообще курьезной книгѣ. Г. Ильинъ посвящаетъ обширную главу своего тома вопросу о „новѣйшей революціи въ естествознаніи и философскомъ идеализмѣ". Забавна во-первыхъ та осторожность, съ которой, точно среди драгоцѣнныхъ вазъ, пробирается въ этой невѣдомой ему области г. Ильинъ. Обжегшись когда-то на „кисломъ молокѣ", онъ дуетъ теперь не только на воду, но и на воздухъ, и, встрѣтивъ выраженіе „треніе газовъ", робко прибавляетъ въ скобкахъ Gasreibung. Но эта мудрая предусмотрительность не избавляетъ его отъ разныхъ комичныхъ эпизодовъ. Такъ онъ говоритъ не о „явленіи Зеемана", а объ „эффектѣ Зеемана", толкуетъ о спекуляціяхъ Ѳалеса надъ „электрономъ" (т. е. янтаремъ), а, встрѣтивши извѣстный специфически анаксименовскій терминъ apeiron („безпредѣльное"), предупредительно, но совершенно неосновательно, сообщаетъ, что это терминъ греческой философіи, и переводитъ его черезъ „непознаваемое". И, разумѣется, все это время мечетъ громы противъ невѣждъ, неучей, незнаекъ.

Г. Ильинъ узналъ отъ насъ, махистовъ, о радикальномъ переворотѣ во взглядахъ на матерію, массу, инерцію, происходящемъ въ современномъ естествознаніи. Заглянувши въ соотвѣтственныя книги, онъ нашелъ въ нихъ то же самое. Это, видимо, заставило его на первыхъ порахъ призадуматься. По счастью онъ наткнулся на фразу Энгельса о томъ, что съ каждымъ составляющимъ эпоху естественно-научнымъ открытіемъ измѣняется и форма матеріализма. Спасательный поясъ

былъ найденъ, В. Ильинъ ухватился за него и благополучно вынырнулъ изъ захлестывавшихъ его уже водъ идеализма. Махистовъ онъ упрекаетъ не за пересмотръ формъ матеріализма, а за то, что подъ видомъ критики формъ его они измѣняютъ и самую суть, становясь на сторону реакціонной буржуазной философіи (с. 299).

Въ чемъ же эта суть? Объ этомъ мы узнаемъ слѣдующее:

„То „исчезновеніе матеріи", о которомъ онъ (Валентиновъ) говоритъ вслѣдъ за современными физиками, не имѣетъ отношенія къ гносеологическому различенію матеріализма и идеализма" (308), „Единственное „свойство" матеріи, съ признаніемъ котораго связанъ философскій матеріализмъ, есть свойство быть объективной реальностью, существовать внѣ нашего сознанія" (310). Природа „безконечно существуетъ, и вотъ это то единственно категорическое, единственно безусловное признаніе ея существованія и отличаетъ діалектическій матеріализмъ отъ релятивистскаго агностицизма и идеализма" (313).

Словомъ подъ видомъ „сути" матеріализма намъ пока преподносятъ тысяча первое изданіе ортодоксально - пиквиккскаго опредѣленія матеріи и матеріализма, не имѣющаго никакого отношенія къ вопросу объ естественно-научномъ матеріализмѣ. Но г. Ильинъ не былъ бы г. Ильинымъ, если бы онъ умѣлъ удержаться хоть нѣкоторое время на одной опредѣленной позиціи. Поэтому всего нѣсколькими страницами дальше „гносеологическая" матерія подмѣнивается уже матеріей физиковъ,— матерія, которая просто существуетъ, становится

матеріей, которая движется. Возможно-ли движеніе безъ матеріи, спрашиваетъ Ильинъ, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Міръ есть движущаяся матерія, говоритъ онъ нѣсколько далѣе (с. 336). И подробнѣе:

„Міръ есть движеніе этой объективной реальности, отражаемой нашимъ сознаніемъ. Движенію представленій, воспріятій и т. д. соотвѣтствуетъ движеніе матеріи внѣ меня. Понятіе матеріи ничего иного, кромѣ объективной реальности, данной намъ въ ощущеніи, не выражаетъ. Поэтому оторвать движеніе отъ матеріи равносильно тому, чтобъ оторвать мышленіе отъ объективной реальности, оторвать мои ощущенія отъ внѣшняго міра, т. е. перейти на сторону идеализма" (319).

Въ этой нелѣпой тирадѣ, въ которой одно предложеніе противорѣчитъ другому, одна половина фразы сталкивается съ другой половиной, сконцентрирована, въ нѣкоторомъ родѣ, вся матеріалистическая мудрость Ильина. Матерія—это объективная реальность; неразрывно же связанное съ ней движеніе отнесено почему-то по вѣдомству „ощущеній". Съ другой же стороны движенію „представленій и воспріятій",—какъ безсмысленно выражается Ильинъ,—т. е. видимому нами и, по Ильину, субъективному движенію соотвѣтствуетъ— согласно теоріи копій—объективное движеніе въ себѣ (опять-таки безсмысленно называемое Ильинымъ движеніемъ „внѣ меня", какъ будто видимыя движенія стола и пр. не происходятъ внѣ меня). Движеніе такимъ образомъ уже переходитъ въ категорію объективной реальности.

Разбирать эту нелѣпицу подробнѣе не стоитъ.

Но ясно, во всякомъ случаѣ, что одной гносеологической „сути“ матеріализма мало, а что нужно еще и физическое опредѣленіе матеріи, какъ чего-то движущагося. Но въ этомъ направленіи произошли какъ разъ такія огромныя измѣненія, что указать, въ чемъ заключается неизмѣнная суть матеріи, весьма трудно. Ужъ скорѣе можно было-бы—вопреки Ильину—движеніе зачислить въ категорію объективно-реальнаго, ибо при всѣхъ перемѣнахъ, происходящихъ въ современной механикѣ, она все-таки остается наукой о движеніи. Неимѣющая же массы и инерціи „матерія“ сторонниковъ электронной теоріи до того мало похожа на традиціонную матерію физиковъ, свойства которой она пріобрѣтаетъ лишь въ движеніи, что ее собственно трудно назвать матеріею. Вотъ „суть“ этого-то вопроса г. Ильинъ закрываетъ отъ себя самого и читателя по обыкновенію вихремъ чужихъ словъ и чужихъ мыслей. Пирсонъ сказалъ то-то и то-то,—и двѣ страницы изъ Пирсона; Рей сказалъ—и четыре страницы изъ Рея; Уордъ сказалъ—и нѣсколько страницъ изъ Уорда. Почему Уордъ? Почему Пирсонъ? Что къ чему? Ильину до этого дѣла нѣтъ. Онъ спѣшитъ разостлать свой цитатный tangle-foot, гдѣ неминуемо долженъ завязнуть читатель, онъ долженъ посрамить своей ученостью всѣхъ этихъ Ворошиловыхъ и невѣждъ. Вѣдь и Муравушкинъ послѣ окрика своего собесѣдника признался, что пересказъ исторіи „семейства Дармель“ не дѣло его „вдохновенія“ и что онъ „извлекалъ безъ смысла“, только чтобъ изумить сына: „пускай, думаю, не пойметъ этихъ словъ—авось задумается, уважать будетъ! увѣруетъ, что отъ

Бога мнѣ много дано“! Много, много дано г. Ильину отъ Бога...

Къ чему же сводится „матеріализмъ“ г. Ильина? Съ одной стороны мы узнаемъ, что матерія—это объективная, существующая внѣ сознанія въ чувственно - осязательномъ видѣ, реальность; наши ощущенія суть вѣрные снимки этой реальности. Съ другой стороны, міръ—это движущаяся матерія, при чемъ сама эта матерія ближе не опредѣляется (это дѣло естествознанія, которое вчера могло высказываться за атомы, сегодня за электроны, завтра за что-нибудь третье, и т. д.). Два эти противоположныхъ опредѣленія матеріализма, непримиренныя между собой, стоятъ бокъ-о-бокъ въ книгѣ, имѣющей цѣлью показать превосходство монизма матеріалистической теоріи надъ эклектизмомъ махистовъ. Хорошій монизмъ, хорошій матеріализмъ!...

Мучительныя и безплодныя попытки нашихъ ортодоксовъ „выявить“ свой матеріализмъ напоминаютъ исторію съ волосомъ той католической святой, который ежегодно, въ храмовой праздникъ, показываютъ въ одномъ французскомъ монастырѣ. Священный волосъ имѣетъ одно неудобное свойство: онъ виденъ только избраннымъ, только праведникамъ. Праведниковъ же очень мало, такъ мало, что даже приставленный къ реликвіи монахъ, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій вынимавшій ее изъ ларца и показывавшій народу, ни разу за все это время не удостоился милости узрѣть ее.

На этотъ чудесный, но недоступный взору грѣшника, волосъ похожъ кантовскій, миллевскій, вилліевскій и пр.—но только не матеріалистиче-

скій—„матеріализмъ“ Плеханова, Ильина и К. Видно, большіе мы всѣ грѣшники, ибо, сколько ни усердствуютъ наши приставленные къ матеріализму философскіе капуцины, мы ничего матеріалистическаго не замѣчаемъ. Видятъ ли хоть что-нибудь сами блюстители святыни?

Ограниченный тѣсными рамками брошюры, я долженъ оставить нетронутыми цѣлый рядъ вопросовъ, поднимаемыхъ въ книгѣ Ильина: я оставлю неразсмотрѣнными всѣ его путанныя разсужденія объ истинѣ, въ которыхъ онъ въ потѣ лица трудится надъ примиреніемъ діалектическаго принципа относительности мышленія съ признаніемъ абсолютныхъ истинъ, всѣ его размышленія о пространствѣ, времени, причинности, необходимости, свободѣ, a priori. Въ спорѣ между матеріалистами и махистами всѣ эти огромные и сложные вопросы были до сихъ поръ только Nebensache. Г. Ильинъ остается здѣсь, конечно, самимъ собой. Отсутствіе какой-нибудь живой и интересной мысли, отсутствіе ясной и выдержанной позиціи, несмотря на наличность готовыхъ шаблоновъ, онъ замѣняетъ своими обычными пріемами: головокружительно - быстрымъ шныряніемъ среди цитатъ и скопированными (вотъ гдѣ пригодилась теорія копій!) съ Маркса замашками громовержца. Ворошить всю эту quasi-философскую банальщину, подымать весь этотъ цитатный и нецитатный соръ не стоитъ: къ философской физіономіи Ильина это не прибавило-бы ничего существеннаго.

На этомъ я могъ бы разстаться съ г. Ильинымъ и его книгой—но въ заключеніе мнѣ хотѣлось-бы, отвлекшись отъ его ужасной литературной манеры, высказаться—sine ira et studio—о книгѣ въ цѣломъ. Философское значеніе этого толстаго тома о „Матеріализмѣ и Эмпиріокритицизмѣ“ ничтожно; каждая строка его выдаетъ полнѣйшее философское безсиліе автора. Но каждая же строка выдаетъ огромное волевое и интеллектуальное усиліе г. Ильина. Г. Ильинъ читалъ небрежно, недочитывалъ, вѣроятно, чаще всего перелистывалъ; но онъ все таки прочелъ много, и при томъ въ области, совершенно новой для него. Находясь, говоря словами Данте, на срединѣ своего жизненнаго пути—а, можетъ быть, и перешагнувъ ее—онъ вдругъ далъ новый курсъ своей мысли, преодолѣлъ колоссальную силу инерціи, накопившуюся за многіе годы занятій на совсѣмъ иныхъ поприщахъ. На такое усиліе способенъ далеко не всякій. Что это усиліе не могло немедленно же привести къ цѣннымъ результатамъ, это ясно само собой. Благодать марксизма не даетъ дара языковъ, дара молніеносно-быстраго усвоенія совсѣмъ чуждаго хода мыслей. Многочисленные промахи и ошибки здѣсь были неизбѣжны, и не они сами по себѣ страшны. Горе книги Ильина—повторяю, отвлекаясь отъ указанныхъ мной литературныхъ пріемовъ ея автора—въ проникающемъ ее духѣ марксистскаго китаизма, въ поразительной предубѣжденности и несвободѣ мысли. Если бы искать иллюстраціи для эмпиріокритическаго тезиса объ относительномъ, біологическомъ, характерѣ „истины“—то лучшаго примѣра, какъ защита нѣкоторыми ортодоксами мате-

ріализма, и отыскать нельзя. Вѣдь г. Ильинъ десятки лѣтъ прожилъ, оставаясь „прозаической, нефилософской“ натурой, не занимаясь и не разбираясь въ философскихъ проблемахъ и только числясь матеріалистомъ. Когда же онъ засѣлъ за философскія книги, то не для того, чтобы узнать „объективную“, „абсолютную“ и т. д. истину, которую теперь такъ прославляетъ противъ насъ, релативистовъ, а для того, чтобы доказать махистамъ, что матеріализмъ,—о которомъ онъ до тѣхъ поръ не думалъ, но въ необходимость котораго для марксистовъ вѣрилъ—и есть истинное ученіе. Кто лучше служитъ „объективной“ истинѣ, ортодоксъ ли Ильинъ, знающій напередъ свою философскую конечную станцію,—хотя, правда, и непопадающій на нее,—или мы, ищущіе философской истины не непремѣнно примѣнительно къ тѣмъ или инымъ утвержденіямъ и выраженіямъ Маркса и Энгельса, объ этомъ предоставляю подумать самому г. Ильину.

Еще разъ: не въ безчисленныхъ ошибкакъ, не въ ничтожности результатовъ главный недостатокъ книги Ильина; ея несчастіе заключается въ проникающемъ ее всю специфическомъ духѣ нашей ортодоксіи. Г. Ильинъ такъ много читалъ и писалъ не для того, чтобы разобраться въ философскихъ проблемахъ, а чтобы искоренить извѣстныя философскія тенденціи. Онъ ворвался въ сферу философскихъ вопросовъ въ умонастроеніи того генерала, который издалъ приказъ, что „виновные въ совершеніи такихъ то и такихъ то преступленій будутъ, по преданіи суду, приговорены къ разстрѣлу“. Весь „судъ“ Ильина, вся его аргументація съ помощью цитатъ и безъ нихъ—это тоже только одна проформа: виновные, т. е. махисты, все равно приговариваются къ разстрѣлу.

Такая „юстиція“ возможна лишь въ обстановкѣ полнаго одичанія нравовъ, которое, въ свою очередь, питается этимъ военно-полевымъ умонастроеніемъ.

Каковъ же выходъ изъ этого положенія дѣлъ? Я думаю, онъ тотъ же, что и изъ всякой китайщины: надо разрушить китайскую стѣну предразсудковъ, открыть доступъ чужимъ идеямъ, усвоить всѣ завоеванія культуры, признать свободу мнѣній. Надо марксистскую теократію преобразовать въ европейское государство, надо провести, такъ сказать, отдѣленіе церкви отъ государства: политику отдѣлить отъ теоріи, программу отъ системы, партію отъ идеологіи. Мы всѣ носимъ въ себѣ идеалъ этой марксистской теократіи, мы всѣ мечтаемъ о марксистской философіи, пролетарскомъ міровоззрѣніи, поэзіи и пр. Но въ „эмпирическомъ планѣ“, какъ сказалъ бы Вячеславъ Ивановъ, т. е. въ практической дѣйствительности, проведеніе этого идеала наталкивается на такія затрудненія, приводятъ къ такой путаницѣ границъ партійнаго контроля, что лучше отъ него пока отказаться и вести двѣ параллельныя и независимыя другъ отъ друга линіи: политическую, покоющуюся на принципѣ строгой дисциплины, и теоретическую, исходящую изъ начала полной свободы мнѣній. Въ теоріи лучше перехватить въ сторону свободы, чѣмъ недохватить до нея, лучше свобода ошибки, чѣмъ рабство передъ истиной

Если марксизмъ увядаетъ, если онъ такъ хлоротиченъ, то, можетъ быть, отъ того, что въ немъ слишкомъ много „истинъ“ и слишкомъ мало „ошибокъ“...

Приложеніе.

Pro domo sua.

Разсказываютъ, будто одинъ англійскій школьникъ, на вопросъ о родѣ занятій жителей Сандвичевыхъ острововъ, отвѣтилъ: „Они добываютъ себѣ скудное пропитаніе тѣмъ, что стираютъ другъ другу бѣлье“.

Духовная жизнь русскихъ марксистовъ за послѣдніе годы вполнѣ подходитъ подъ эту характеристику промысла сандвичанъ: большевики добывали себѣ скудное пропитаніе тѣмъ, что стирали бѣлье меньшевиковъ—и обратно; бойкотисты трудились надъ бѣльемъ антибойкотистовъ, и, увы! споръ махистовъ и матеріалистовъ сводился, въ значительной мѣрѣ, къ этой работѣ взаимостиранія.

Не могло дѣло обойтись иначе и въ этой, направленной противъ нашихъ первенствующихъ матеріалистовъ, брошюрѣ,—и однако, сколько еще ильинскаго бѣлья я оставилъ не мытымъ!

Но въ этой замѣткѣ—послѣсловіи я не желаю возражать своимъ критикамъ, а хочу только внести маленькую „фактическую поправку“ по поводу отношеній моихъ взглядовъ къ теоріямъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ мыслителей, въ частности къ теоріямъ Пуанкарэ.

Среди любовниковъ Клеопатры фигурируетъ какъ мы видѣли, у Плеханова и Пуанкарэ. Клеопатрой въ данномъ случаѣ оказываюсь я, ибо въ марксистской философской литературѣ (и даже вообще въ русской философской литературѣ) о символизмѣ писалъ больше всего я, часто ссылаясь къ тому же на работы Пуанкарэ.

Г. Ильинъ тоже все время соединяетъ меня съ Пуанкарэ. „Прочтутъ Пуанкарэ, повѣрятъ Пуанкарэ, перескажутъ Пуанкарэ, назовутъ это марксизмомъ!“ патетически восклицаетъ онъ съ кивкомъ въ мою сторону.

Богдановъ такъ резюмируетъ свои впечатлѣнія о моихъ философскихъ взглядахъ: „Вообще же Юшкевичъ, очевидно, мыслитель далеко не установившійся и не успѣвшій въ своемъ міровоззрѣніи свести концы „символическіе“ съ концами реальными. Онъ уже успѣлъ пристать къ Пуанкарэ, но не отсталъ еще и отъ Бельтова; отсюда его идеалистическія построенія и наивно-матеріалистическая критика, идущія рядомъ вопреки всѣмъ законамъ естества. Подобныя промежуточныя типы чаще всего кончаютъ на пути мистицизма. Только отказъ отъ индивидуалистическаго пониманія опыта могъ бы спасти нашего эмпиріосимволиста отъ этого исхода“ („Приключенія одной философской школы“, с. 62).

Свою практическую поправку пріурочу къ характеристикѣ г. Богданова, какъ наиболѣе полной.

Отъ Бельтовскаго матеріализма я не могъ „отстать“ по двумъ простымъ причинамъ: во первыхъ

отъ матеріализма въ чистомъ видѣ я отказался очень, очень давно, вѣроятно, тогда, когда г. Богдановъ еще увлекался матеріалистическими „крючечками“ и „зубчиками“ проф. Клементія Тимирязева, о которыхъ онъ разсказываетъ съ почти молитвеннымъ благоговѣніемъ въ третьей книгѣ „Эмпиріомонизма“ (с. X). Правда, я всегда цѣнилъ и продолжаю цѣнить объективную тенденцію матеріализма и его анти-спиритуализмъ, но слабости и недостатки матеріализма стали мнѣ извѣстны очень рано.

Въ частности не могъ я отстать отъ Бельтова, ибо никогда не былъ его особеннымъ поклонникомъ, а съ его философскими упражненіями познакомился только въ самое послѣднее время. Мнѣ поэтому не приходилось переживать такихъ разочарованій, какъ г. Богданову, который учился по Бельтову, сперва „повѣрилъ“ его изложенію взглядовъ Энгельса на „вещь въ себѣ“, а потомъ только „провѣрилъ“ (см. объ этомъ инцидентѣ, въ „Приключеніяхъ“, с. 21).

Что касается Пуанкарэ, то и въ этомъ случаѣ дѣло довольно просто. Я столь же мало „присталъ“ къ Пуанкарэ, какъ Пуанкарэ присталъ къ Дюгему, или какъ Герцъ присталъ къ Маху, или какъ Пирсонъ присталъ къ Грассману (котораго, между прочимъ, нашъ ученый Ильинъ зачисляетъ по вѣдомству матеріалистовъ), и пр. Символизмъ это широко распространенное среди современныхъ естествоиспытателей и математиковъ идейное теченіе, и кто хоть нѣсколько работалъ въ такихъ областяхъ математики, какъ напримѣръ, неэвкли-

дова геометрія, тотъ и безъ всякаго посторонняго вліянія наталкивается на этотъ ходъ мыслей. Поэтому то такъ много авторовъ, независимо другъ отъ друга, пришли въ этой области къ очень сходнымъ результатамъ. Я уже указывалъ въ примѣчаніи къ статьѣ объ энергетизмѣ на причины, порождающія этотъ философскій символическій порокъ. „Позитивный символизмъ—это, повидимому, профессіональная философія математиковъ“, замѣчаетъ уже въ своей послѣдней статьѣ и г. Богдановъ (см. „Очерки философіи коллективизма“, с. 79). Вотъ именно, и поэтому то мнѣ и не приходилось выступать въ качествѣ пропагандиста ихъ (т. е. Пуанкарэ+уже Дюгемъ) идей (см. „Очерки“, тамъ же). Я могъ ссылаться и на Пуанкарэ, и на Дюгема, и на много другихъ авторовъ, ибо не считаю нужнымъ скрывать писателей, съ которыми у меня общіе взгляды, а, наоборотъ, спеціально указываю на нихъ: если мои идеи и теряютъ благодаря этому въ исключительной оригинальности, то онѣ выигрываютъ за то въ своемъ объективномъ значеніи. Надѣюсь, что г. Богдановъ, въ качествѣ философа коллективизма, вмѣнитъ мнѣ въ достоинство эту анти-индивидуалистическую черту моей психики.

Словомъ, я ссылаюсь и на Пуанкарэ, и на Герца, и на Пирсона и пр., но я пропагандирую свои, а не ихъ взгляды. Эту мѣру индивидуализма я буду защищать отъ вторженій богдановскаго коллективизма. Впрочемъ, внимательному читателю—а я надѣюсь, что г. Богдановъ не напоминаетъ въ этомъ отношеніи своего нынѣшняго врага, г. Ильина—найдетъ, что я пишу о многомъ такомъ, о чемъ совсѣмъ не упоминается у Пуанкарэ или Дюгема, и что даже въ общей намъ области символическихъ идей у меня не мало съ ними крупныхъ расхожденій.

Такъ обстоитъ дѣло съ моимъ „отставаніемъ“ и „приставаніемъ“. Иду своей дорогой—можетъ быть плохой, можетъ быть, хорошей, но своей,—и не желаю утаивать, что мѣстами она пересѣкаетъ, мѣстами идетъ даже параллельно съ путями другихъ мыслителей.

Что же касается моей „неустановленности“—то блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ! Блаженъ г. Богдановъ, если онъ съ первой же своей статьи или книги установился... я чуть было не сказалъ остановился. Фактически, конечно, это невѣрно: г. Богдановъ не только варьировалъ отъ своихъ прежнихъ работъ къ „Эмпиріомонизму“, но даже и отъ одной книги „Эмпиріомонизма“ къ другой. И все таки, читая г. Богданова, испытываешь дѣйствительно иллюзію, ощущеніе чего то установившагося—остановившагося. Почему то вспоминаются слова Фамусова о Скалозубѣ и хочется сказать Богданову:

Эмпиріомонистомъ вы давно, а философствуете недавно...

Не знаю, откуда берется это противорѣчащее дѣйствительности представленіе. Здѣсь есть смутное ощущеніе какой-то чрезмѣрной систематичности и схематичности мысли Богданова, ощущеніе какой то узости и большой односторонности; чувствуется что ли то терпѣніе и упорство, съ которымъ г. Богдановъ, наклонившись отъ тяжкаго усилія впередъ, не глядя по сторонамъ, ведетъ

все въ одномъ и одномъ направленіи борозду своего эмпиріомонизма. Это упорство мысли, этотъ систематизирующій духъ, представляютъ сами по себѣ большія достоинства. Но meden agan—ничего лишняго, какъ говорилъ греческій мудрецъ. А въ Богдановѣ есть и есть это лишнее. Зачѣмъ онъ производитъ такое впечатлѣніе, точно онъ эмпиріомонистъ съ рожденія!

Впрочемъ, разборъ вопроса о томъ, установился ли я или нѣтъ, выходитъ уже изъ рамокъ намѣченной мной себѣ здѣсь задачи. Я хотѣлъ только указать, что нарисованная г. Богдановымъ траэкторія моего умственнаго движенія—„отъ Плеханова къ Пуанкарэ"—совсѣмъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Г. Богдановъ чертитъ эту траэкторію даже дальше Пуанкарэ, онъ проводитъ пунктиръ моего будущаго развитія, которое заканчивается стадіей мистицизма. Поживемъ—увидимъ. Одно меня только утѣшаетъ, когда я думаю объ этомъ прогнозѣ: что на пути мистицизма я встрѣчусь съ очень пріятной компаніей. Не говорю ужъ о Луначарскомъ (и отчасти Базаровѣ), которыхъ „отказъ отъ индивидуалистическаго пониманія опыта" совсѣмъ не гарантировалъ отъ созданія религіи человѣкобожества. Но я вспоминаю, что для меня самого философія г. Богданова есть „одѣтая въ мундиръ современнаго реализма разновидность спиритуализма", вспоминаю, что Базаровъ говоритъ о „матеріалистическомъ мистицизмѣ" Плеханова и другихъ ортодоксовъ, что, для Ильина всѣ мы, махисты, являемся прислужниками фидеизма (т. е. поповщины) въ его

борьбѣ съ матеріализмомъ—и мнѣ дѣлается легче мнѣ уже не страшно. На людяхъ, думаю я себѣ, и смерть красна...

Вотъ пока въ немногихъ словахъ та фактическая поправка, которую я счелъ необходимымъ сдѣлать по поводу замѣчаній нѣкоторыхъ изъ моихъ критиковъ.